

КОНЦЕРТ ПАТРИЦИИ КААС

5. Жизнь продолжается.
Недалеко от Москвы, продолжение.

Марк Вевиоровский

Марк Михайлович Вевиоровский

Концерт Патриции

Каас. 5. Жизнь

продолжается. Недалеко

от Москвы, продолжение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30093094
SelfPub; 2018*

Аннотация

В книге вы встретитесь с обыкновенными и неординарными людьми, которые мало отличаются от нас с вами, но живут удивительной жизнью. Действие происходит в узнаваемых обстоятельствах и даже с участием реальных лиц. Паранормальные способности некоторых героев позволяют причислить книгу к произведениям фантастическим, но уж если это научная фантастика, то фантастика социальная, затрагивающая некоторые основы нашей реальной действительности с необычной стороны, но неизменно с любовью к человеку.

Нет предела фантазиям,
которыми нас дарит природа.

АВСТРИЯ

СБОРЫ

Женщины соорудили Грише парадный костюм, который можно было принять за продукцию дорогого модного кутюрье, наготовили ему рубашек и всего прочего.

Все было готово – не было только конкретного вызова от Дрейзера.

Но наконец вызов прибыл и был куплен билет на самолет. Гриша начал собирать чемодан.

Тоня направилась на помощь ему, но Свиридов остановил ее.

– Мать, у него теперь для этого есть жена! Не обижай Улю.

– Ты прав. Я никак не привыкну, для меня Уля – как дочка

...

А Уля тщательно отбирала вещи для Гришиной поездки и очень волновалась, и в конце концов позвала Тоню на помощь.

– Тонечка, посмотри, все ли я правильно сделала. Я ведь в первый раз мужа собираю в путешествие ...

Тоня посмотрела и одобрила, и оставила молодых наедине.

А потом Гриша уже в походном виде – в джинсовом костюме – показался родителям, все посидели и дружно отпра-

вились на аэродром, провожать Гришу ...

ИЗ ВЕНЫ

Вена оглушила Гришу непонятным многоязычием, но его встретили и проводили в гостиницу. А вечером он позвонил домой.

– Прилетел. Все в порядке. Устроился в гостинице, у меня отличный номер ... Завтра буду осматриваться и позвоню. Всем привет, а Уле отдельные поцелуи. Мать, не ревнуй.

Событий было много, а поскольку по телефону все рассказать было невозможно, то все рассказы происходили после возвращения Гриши домой.

Встречали его на аэродроме Уля и Тоня – Свиридов был занят, да и нечего сына баловать, он уже большой.

Сперва они долго обнимались и целовались с Улей, затем с Тоней.

А потом дорогой все пытались что-то выпросить и сами же останавливали Гришу – потом, дома расскажешь подробно. О том, что он занял почетное третье место на конкурсе молодых графиков, они уже знали.

– Мне как рассказывать – по порядку или по смыслу?

– Как хочешь ...

– Все равно за один раз не расскажешь, поэтому какая разница ...

– Это точно – все равно в голове такой винегрет. В аэропорту меня встретили, встретила очень милая женщина и по-

везла в отель. И все время старательно говорила, четко выговаривая слова, пока не поняла, что я ее хорошо понимаю – и нам стало легко общаться. Из номера я позвонил Дрейзеру и вам, а потом пошел в ресторан поесть.

– А номер, номер у тебя был какой?

– А в ресторане чем тебя кормили?

– А там, что, все понимают английский язык?

– Номер был небольшой, но с туалетом и душем – очень современно обставленная комната. В ресторане в меню блюда самые разные – и европейская кухня, и восточная, и китайская, и японская, и всякая. Кормят вкусно, но дорого. Обед обошелся мне в пятьдесят долларов.

– С вином?

– Да ты что? С очень вкусной минеральной водой и свежесжатым апельсиновым соком.

– Давай, давай, не отвлекайся!

– Английский понимают все, по крайней мере я не сталкивался с непониманием. Принимали меня за американца, и в принципе это удобно – имидж американцев там давно налажен. Ну, а утром завертелось ...

– Прощупывали?

– Несколько раз пытались завязать более тесное знакомство, приглашали в ресторан, в ночной клуб, набивались в гости в Москве, старались узнать подробности о родителях. Но довольно быстро они отвяли – то ли квалификация у них была невысока, то ли я оказался им не по зубам ...

– А в близкие друзья никто не набивался?

– Американцы быстро поняли, что я не американец, и оставили меня в покое, а для остальных я был янки, гордый и неприступный! А сейчас я засыпаю – нас проманежили в аэропорту больше суток, бомбу искали. Давайте, я часок посплю, а потом я буду рассказывать.

Гриша скрылся в ванне, затем они с Улей ушли к себе.

А через час Уля в халатике вышла к Тоне на кухню.

– Тонечка, – растерянно проговорила она, глядя на Тоню счастливыми удивленно распахнутыми глазами. – Он так устал, но ... Ты представляешь, что он со мной ... Сколько же сил у него ...

– Он – Свиридов. – Тоня улыбнулась и обняла Улю. – Прецеденты были ...

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Позже, за столом, перескакивая с одного на другое, Гриша рассказывал о поездке.

Тут была старинная «пряничная» Вена с ее музеями, Шеннбрунн и Мария-Терезия со своими 16-ю детьми, и невероятная архитектура новых домов, удивительные памятники, встречи в издательствах, и беседы с художниками, и конкурсные показы.

– Но больше всего меня поразили две вещи – венские извозчики и венские кафе.

– Там есть извозчики?!

– Да, и еще какие! Богатые пролетки, кучера в красивой богатой форме, и их много. И так приятно бывает прокатиться в такой карете по старинным улицам. Называются они фиакры, и профессия их кучеров – наследственная. Можете себе представить? А еще на каждом углу маленькие кафе, где можно спокойно, без спешки посидеть, выпить кофе и почитать газеты со всего света. О памятниках я уже не говорю – их так много, что они уже превратились в детали городского пейзажа. Много иностранцев, много пожилых людей, много музыки – Вена считается музыкальной столицей Европы ...

– Есть там удивительный район под названием Газометр-таун.

– Газометр?

– Это четыре старых кирпичных газгольдера, превращенные в жилье, в жилые комплексы. Был объявлен конкурс, и четыре архитектора внутри бывших газгольдеров создали не только жилье, но поместили там всю необходимую инфраструктуру – магазины, зимние сады, танцплощадки и все прочее. Эта инфраструктура настолько продумана, что в таком комплексе можно жить, не выходя оттуда.

– Это за городом?

– Когда-то все это было на окраине, а теперь в пяти минутах от центра.

– А какие там квартиры? Ты там был?

– Нет, Уленька, я там не был. А квартиры вроде бы однокомнатные, гостиничного типа. И вообще в городе много

интересного – и старинного, и современного. И изумительная картинная галерея под названием «Альбертина», и целый музейный квартал вокруг этой галереи ... Множество памятников – там, в альбомах все это есть ...

– Лучше расскажи, как там оценили твои рисунки?

– Мои рисунки в целом понравились ... Сперва были неформальные показы, которые устраивал Дрейзер. Там были не только художники, критики, издатели, но и коллекционеры. Нравилось не всем и не все, но наибольший интерес к моим рисункам проявляли издатели и один пожилой художник из Шотландии.

– Издателям нужны были свежие рисунки для своих изданий, они плотно обложили портреты и обнаженную натуру, а Даффи ... Даффи – это отдельная история, очень интересная и весьма поучительная ...

– А с издателями я встретился отдельно. Рассказал им о своих работах по иллюстрированию книг, даже показал последние наброски. Больше всего их потрясли два варианта иллюстраций к одной книге – к оригиналу на английском языке и к переводу этой книги на русский. Помнишь, я тебе показывал? Они меня мучили несколько часов вопросами о разнице между этими рисунками.

– Чего особенного – особенности быта и окружающей обстановки ...

– Хорошо, что Дрейзер дал мне в помощь своего адвоката – они же хотели все заполучить задаром. Но Генри так

быстро остудил их, сказал им что-то насчет воровства ... В общем кончилось дело тем, что через два дня мы подписали контракты с тремя издательствами и на весьма приличные суммы! Иллюстрации для двух книг и рекламная продукция для различных товаров.

– Ну, книги еще куда ни шло, но реклама. Ты же этого не делал?

– Мать, я тебе по секрету скажу – у меня столько соображений по поводу новых дамских моделей. А один рисунок для рекламы я уже им продал.

– Какой же? Да не томи, скажи!

– Вот этот. – Гриша достал из кипы рисунок молоденькой Ники среди цветов. – Им так понравилась эта маленькая голенькая девочка!

– Ох, и врежет тебе Ника!

– Ладно, ладно! Это мы еще поглядим – ей причитается приличная сумма с доходов от рекламы. Куда интереснее были беседы с Даффи. У него есть имя, известное в среде художников, но он просил меня называть его только Даффи ...

ДАФФИ

– У тебя нет его рисунков?

– Есть. Смотрите.

Все стали рассматривать небольшие листки плотной бумаги, на которых фломастерами были изображены дома, церквушки, тихие улицы, заливы с лодками. Все было пре-

дельно просто и бесхитростно, но приковывало внимание. И эти рисунки хотелось рассматривать и рассматривать.

– Ты никогда не рисовал ничего подобного, правда?

– Да, и даже не пробовал. А он стал учить меня. Это оказалось ничуть не проще, чем рисовать людей.

– Ну, и как?

– Вот первые опыты.

Листы были побольше, чем листы Даффи, и заполнены рисунком они были не столь плотно. Но рассматривать их было интересно.

На первом рисунке был изображен кусочек городской площади со старинной афишной тумбой. Тумба была установлена давно и от времени немного наклонилась. Тумба стояла на краю тротуара, выложенного фигурным камнем, а сверху тумбу покрывала коническая крыша – она хоть чуть-чуть прикрывала афиши от дождя. Тумба опиралась на небольшой фундамент из дикого камня, а рядом сидела собака. Собака сидела спиной к зрителю и спокойно ждала чего-то. И только в самую последнюю очередь зритель обращал внимание на афиши, наклеенные на тумбу – с броскими рисунками и крупными буквами сдержанного традиционного готического шрифта.

– Да-а ... Это целое произведение...

– Даффи тоже высоко оценил. И он же научил меня рисовать вот такие картины, он вложил в меня философию подобного изображения. Каждый вот такой рисунок для меня

такой же живой, как каждый человек, которого я рисую.

– А этот? Почему два варианта?

– Я попробовал в цвете. Там менялся свет, это был вечер. Но у меня ничего не вышло, динамика мне не поддается. Даффи сказал, что это нормально, и что динамику можно пробовать отображать цветом – вот тут я попробовал. Мне кажется, неудачно, я не понял смысла изменения ... но зато вот тут я пробовал все, что мне приходило в голову.

– Ты знаешь, многие из этих рисунков вполне могли бы занять место на выставке авангардистов – по цветовому решению.

ЗАРИСОВКИ

– А тут городские зарисовки и зарисовки с конкурса.

– Да тут на неделю смотреть – не пересмотреть! А что за публика была на конкурсе?

– Хотя конкурс некоммерческий, но все равно престижный. Ограничения – возраст и наличие рекомендаций. Самый молодой был мальчик двенадцати лет из Кении. Уменьший, воспитанник миссионерской школы. Самый старший из конкурсантов был афроамериканец из США лет тридцати с очень своеобразными рисунками. Девушек было больше половины, но почти все из европейских стран и с художественным образованием. Всего народу было больше пятидесяти человек. Первое место получила датчанка за работу «Наркотики». Потом посмотрите в буклете. Мне не

очень понравилось. Второе место отдали мальчику из Кении по политическим мотивам, рисует он плохо. А третье место у меня.

– Мы тебя поздравляем. Эти негры – бог с ними. А в среднем что была за публика?

– Хорошо упитанная и неплохо упакованная молодежь. Лишь небольшая часть по настоящему увлечена рисованием. Остальные немного умеют рисовать и приехали потусоваться. Вечеринки устраивали, по стрипбарам ходили. А в сауне ... Там в сауне все вместе и все голые ...

–Ой!

– Такие телки ходили и откровенно выбирали себе партнеров! И вместе уходили, и это в порядке вещей. Но там в сауне много совсем немолодых – если откровенно, то очень непривлекательных обнаженных тел ... И ничего!

– И как ты перенес все это?

– Довольно спокойно. И еще нарисую все это.

КОНТРАКТЫ

– Ты говорил, что заключил несколько контрактов?

– Да, и даже продал один рисунок одному коллекционеру. Без права публичного показа – настолько он ему понравился.

– И какой?

– Твой, Уличка. Представляешь, продажа была аукционная! Тебе это не нравится?

– Я не знаю ... Меня первый раз продают ... Да еще в

таком виде ...

— Со мной был юрист, и новый владелец не имеет права публиковать портрет и выставлять его для публичного показа. Но зато очень приличные деньги.

— И во сколько меня оценили?

Гриша показал Уле бумажку с цифрами так, чтобы другим не было видно.

— Это была самая высокая цена на аукционе. Ты недоволен?

— Просто это первый раз, но такие деньги! Но это нарисовал ты!

— А вдохновляла меня ты!

Потом, когда все наговорились и устали, и Уля с Гришей ушли к себе, Уля встала перед этим увеличенным рисунком и залюбовалась собой.

— Неужели это может стоить сто тысяч?

— Завтра разберем багаж, достанем все каталоги, договора. И ты увидишь, что проданный портрет чуть-чуть другой. Немножко, но другой.

— Ой, Гришка, я не усну! Покажи!

— Потом. Лучше дай мне поговорить с тем, кто живет в тебе. Я так соскучился.

И он с упоением стал гладить и целовать округлившийся живот Уленьки, а она ласково гладила его волосы.

— Боря сказал, что будет девочка. Ты рад?

— Еще как! Доченька! Мы с мамой тебя любим и ждем.

Как думаешь, ей уже можно дать имя?

– Думаю, что можно. Я про себя уже назвала ее ... Верой.

– Правда!? Как ты догадалась? Или кто подсказал? Конечно, Вера! Наша Верочка, Верунчик, Верушечка ... Ты знала, что это настоящее имя Тони?

ГРИШИН БАГАЖ

На другой день привезли из аэропорта объемистый баул с вещами Гриши.

– Хорошо проверили?

– Очень тщательно, командир. Каждую книгу проверяли.

– А что проверяли? – спросила Уля.

– Проверяли, нет ли закладок. Микрофонов, микропередатчиков и всего прочего ...

Объемистые буклеты и фолианты пришлось раскладывать на полу.

– Мать, это тебе, – и Гриша передал Тоне толстую пачку каталогов и модных журналов. – Самые последние моды.

Уле Гриша показал договор купли-продажи своего рисунка с крупной ксерокопией проданного. Проданный рисунок действительно чуть-чуть отличался от оригинала, висящего над их кроватью – Улю узнать там было труднее.

– Ты довольна?

– Конечно! А это рисунок Ники, который ты продал?

Кроме рассматривания каталогов и альбомов всем достались скромные подарки, а для профессора Василевского

Гриша приготовил в подарок толстый альбом иллюстраций.
– Я думаю, ему понравится, – листая альбом сказал Свиридов.

– Еще бы не понравится! Ты посмотри на тираж. И стоит этот альбом ... В общем, хорошо стоит ...

Из мешочка Гриша высыпал всякую мелочь – для подарков всем знакомым.

– А вот этот набор восковых карандашей мне подарил Даффи. Кстати, папа, понадобится Интернет-адрес. Я отчитываться буду по Интернету.

– Сделаем. Владика привлечем ... если Ника тебя не расстерзает за проданный рисунок.

– Да ни в жизнь! А то пригрожу, что кое-что еще выставлю на продажу.

– Гриша, а тебе надо будет устроить доклад о поездке у нас в Доме культуры.

– Может в кафе? Обойдемся кафе?

– Ну, это вряд ли. Да и у Василевского тебе нужно солидный доклад сделать ...

НИКА

– Гриш, ты меня там часто вспоминал? – не удержалась Уля.

– Каждый день.

– А в сауне? Как бы я смотрелась среди голых теток?

– Знаешь, удивительное дело! Я не мог тебя представить

среди них – ты грациознее, моложе, изящнее. Честное слово! Вот я нарисую сценку в сауне и ты сама поймешь, что тебя там и сравнивать не с кем. Там в музее висит знаменитая серия «Обнаженных» Модильяни, так и там тебе нет конкуренток.

– Скажешь тоже! А ты еще поедешь?

– Наверное. Но лучше бы съездить просто на экскурсию, а то толком ничего посмотреть не удастся.

– Но экскурсии были?

– Экскурсии – это совсем не то. Мне всего пару раз удалось побродить просто так, без дела. Даже идея появилась – сделать альбом рисунков под названием «Моя Вена».

– Сделаешь?

– Постараюсь. Только для этого туда ехать надо ...

Через несколько дней Гриша пришел к Нике и Владику.

– Молодые! Привет!

– Привет, путешественник! Хвались – как дела?

– Третье место на конкурсе. Но еще и вот это, – и Гриша подал Нике пакет документов.

Та быстро распотрошила его.

– Ты меня продал? Такую миленькую неиспорченную малютку? Смотри, Владик, он меня продал!

– Ты прочитай все до конца. Твоя мордашка будет рекламировать товары для малышей.

– Ах ты гад такой! – Ника набросилась на Гришу, – Владик, отвернись, я сейчас буду его бить!

– Владик, ты, правда, отвернись, я ведь буду давать ей сда-
чи!

Визг, крик и беготня привлекли внимание соседей и в
дверь въехал Иван на коляске, а за ним вошла Алевтина.

– Что у вас тут за битва?

Ника, зажатая у Гриши под мышкой, кричала и стара-
лась ударить его, ругая всякими ласковыми ругательствами,
а Владик крутился на коляске вокруг и фотографировал их,
осыпая каскадом вспышек. Фотоаппарат трясся у него в ру-
ках от хохота.

– Вань, поддержи эту сумасшедшую, а то она меня убьет!

Иван обхватил Нику и прижал ее к себе.

– Узурпаторы! Справились со слабой женщиной! Аля,
спаси меня!

– На, Аля, почитай, из-за чего она взбесилась!

Алевтина полистала бумаги, покачала головой.

– Ей, что мало половины?

Ника издала дикий вопль и вырвалась из рук Ивана.

– Да пусть хоть задаром печатают! Смотри, – она протя-
нула Алевтине журнал, где рекламу детских кремов украша-
ло ее изображение. – Но он все равно гад и насильник!

Она обняла Гришу и крепко поцеловала его в губы.

– Ты так хорошо нарисовал меня – сама люблюсь ...

ГРИША ДОМА

Следующие дни застать Гришу дома было трудно.

Он вбегал, обнимал Улю, ласкового касался ее живота.

– Сиди, занимайся. Я умоюсь, соберу на стол и позову вас, девочки. А пока – занимайтесь.

Уля устраивалась делать уроки в соседней квартире в бывшей гостиной, где раньше она спала у деда Васи и мамы Гали – так старику было не так одиноко, и Гриша мог спокойно работать у себя в комнате. А теперь, после смерти деда Васи, в этой комнате образовался кабинет женщин – появился стол для раскроя ткани, швейная машинка, зеркала, манекены.

И когда Гриша с каплями воды на бровях заглядывал в комнату и звал:

– Девочки! Стол накрыт, прошу вас пожаловать! – Уля степенно откладывала тетрадки и следовала за Гришей в кухню соседней квартиры – Гриша обычно накрывал стол на двоих там.

И не забывал придвинуть стул Уле и поинтересоваться, удобно ли его девочкам и какие у них есть особые пожелания.

Вечером Уля шептала Грише.

– Может, мне уже пора взять отпуск? А то пузо уже очень выделяется.

– Пристают?

– Ты что! Наоборот. Просят отвечать сидя, а наш физрук ... Он, конечно, хулиган. Заявляет на занятиях – беременные занимаются по своей собственной программе и показывает мне упражнения, которые мне медсестра показывала.

– Ой, приду я к вам на занятия физкультуры!
– Ну, ты что?
– Порисовать хочу, а то пробел будет в сериале про девочку Ульянку.....

ДЕВОЧКИ МАЛЬЧИК и КАТЯ

Катя приехала к Олегу – одна, что было совсем удивительно.

А Полина восприняла появление незнакомой ей девочки очень спокойно и естественно.

– Захватите что-нибудь теплое – вечером уже прохладно, – сказала она, когда Олег с Катей решили пойти погулять.

Катя с Олегом медленно шли по лесу и в конце концов вышли на прогалину.

– Смотри, как красиво! Ты специально меня сюда привел?

– Конечно. Вот и лавочка здесь есть – это один наш знакомый недавно сделал. Чтобы посидеть можно было и помечтать ...

Они уселись на скамейку, потом Кате стало прохладно и она накинула кофточку. Но солнце садилось, темнело, но уходить не хотелось. Олег накинул ей на плечи свою куртку и обнял за плечи. Катя прижалась к нему.

– А ты не замерзнешь? – она теснее прижалась к нему и положила голову на плечо. Но все равно ей было прохладно, да и вся куртка досталась ей, и Катя встала.

– Пусти меня, – она уселась к нему на колени, накиннула куртку ему на спину и обняла его рукой под курткой. – Так лучше будет ...

Олег почувствовал, что Катя вся дрожит, а ее теплая грудь прижалась к его плечу.

Она уткнулась лицом ему в шею и он почувствовал ее дыхание. Катя поерзала, устраиваясь поудобнее, и удобнее всего оказалось обхватить ее руками за талию. Это было очень удобно и так приятно.

– Слушай, – ее ресницы щекотали ему шею. – Я уже довольно большая, ... но пока еще не очень ... Объясни мне ... Ну, вот я ... ты ... мы ...

Ей все никак не удавалось сформулировать вопрос и она наконец решилась и рассердилась на него.

– Ну, заберись ко мне в мозги и прочти там, что мне не понятно!.. Я разрешаю, слышишь?

– Стоит ли? Ты действительно хочешь этого?

– Хочу ... Давай! – она еще теснее прижалась к нему.

Олег осторожно вошел в ее сознание и обнаружил там такую сумятицу, что не сразу понял, о чем она хотела спросить.

– Ты хотела что-то узнать о том, что ты чувствуешь? Или более философские мысли тебя посещают?

– Ты не понял? Или я непонятно ... думаю?

– Ты сразу очень о многом думаешь.

– Так как же мне тебя спросить ... Мне очень приятно, что ты меня обнимаешь ... твои руки ... А тебе?..

– Еще как приятно! И знаешь, я немного боюсь тебя обидеть, если я ... Ну, в общем, если я буду слишком ...

– И все мальчишки думают об этом?.. Ну, ты понял ...

– Трудно сказать ... Я думаю совсем о другом ... О том, как мне хорошо с тобой ... О том, чтобы не обидеть тебя ... О том, чтобы ничего не испортить ...

– Девочки тоже ... думают об этом ... понял? – она поцеловала его в шею. – Только они боятся ... ведь нас так легко обидеть ...

Она обняла его второй рукой и придвинулась еще теснее.

– Ты не думаешь обо мне ... плохо?

– Как это?

Катя оторвалась от его плеча и их лица оказались рядом.

И они поцеловались. И Катя спрятала лицо обратно и тихонько засмеялась.

– Неужели ты у меня там в голове не понял, что я хочу, чтобы ты меня поцеловал?

– Там еще много всякой всячины было ...

– Правда? Ты уж очень глубоко-то не залезай!

Их губы снова встретились и они стали целоваться, учась друг у друга и привыкая к губам друг друга. Куртка свалилась и ее пришлось поднимать. И они снова целовались, а потом Катя задремала у него на плече.

Вдруг она вздрогнула и подняла голову.

– Слушай, ты говорил, что у вас с мамой постоянный мысленный контакт ... Она, что же, и все это ... знает? И что мы

целуемся?!

– Разве это плохо?

– Что – плохо? Что она все это уже знает?

– Нет, что мы целуемся. Не волнуйся так! Во-первых, мы с мамой научились отключаться, ведь все время чувствовать за двоих очень утомительно ... Хочешь, я расскажу тебе одну вещь?

– Конечно, хочу, – но некоторое время они опять были заняты.

А потом Олег рассказал Кате, что он чувствовал, когда его мама решила наконец стать женой Дмитрия Германовича. Он старательно подбирал слова, чтобы Кате было все понятно, но не шокировало бы ее натурализмом подробностей.

И они опять целовались.

Потом он ее, полусонную, повел домой.

Уже поднимаясь по ступенькам Катя с испугом сказала.

– Ой, что сейчас будет! Как нам попадет!

– Да брось ты ... Шагай лучше, а то спишь на ходу ...

Олег привел ее в комнатку, посадил на кровать.

– Давай, ложись.

– Ага ... – и Катя опустилась на подушку.

Олегу пришлось снять с ее ног туфли и укрыть одеялом.

– Спокойной ночи.

Не открывая глаз Катя протянула руку.

– Останься со мной. Ложись рядом и обними меня ...

Ночью Олег спал чутко и когда Катя выходила в туалет,

он лежал с закрытыми глазами и ждал ее. Она возвращалась, залезала под одеяло, и устраивалась около него, свернувшись калачиком. Только утром, поворачиваясь, он почувствовал, что ночью она сняла лифчик и юбку ...

Разбудила Олега Катя. Она сидела рядом с ним на кровати, скрестив ноги и смотрела на него.

– С добрым утром.

– С добрым утром, Катенька.

– Я не очень толкалась? И не очень ... приставала к тебе?

– Ты спала тихонько ...

Еще минут пятнадцать они целовались и наконец Катя сказала, стоя в его объятиях.

– Отвернись – я оденусь, причешусь ... И пойдем сдаваться ... Семь бед – один ответ!

Полина Олеговна встретила их одним упреком.

– Ну, сколько можно! Завтрак стынет! Марш руки мыть!

Уже доканчивая яичницу Катя решила спросить.

– Полина Олеговна, неужели вы не будете ругаться?

– Вы уже оба достаточно взрослые, сами можете разобраться. А Олегу я доверяю, он ничего плохого сделать не может. И тебе, Катя, мне тоже очень хочется верить. А если человеку веришь – он не будет обманывать, разве не так?

– Так. Спасибо вам. За все ...

ЕЛКА

Костя часто забегал к Свиридовым, и у Ульяны с Гришей нередко видел подружек Ульяны Лену и Майю. И часто

заставал их за учебниками, и развеивал их недоумение по поводу каких-либо математических особенностей заданного им на дом.

Еще с девочками Костя встречался на танцах – Гриша и Ульяна все-таки затащили его на танцы, куда он не появлялся с тех пор, когда они ходили туда с Олимпиадой.

Группы, часто посещающие эти танцы, кучковались небольшими компаниями переменного состава. Но компания, где бывал Костя, почти не менялась – это были молодые супруги Гриша и Ульяна, подружки Ули Лена и Майя, к которым иногда присоединялся Олег Ерлыкин с приехавшей к нему Катей, Валентина и Игнат, обосновавшиеся у Кузьмича. Иногда к компании присоединялись сестра Кости Маша и ее приятель Денис – но Денис почему-то чувствовал себя в их компании неуютно – он был старше.

Костя танцевал со всеми дамами своей компании, но очень редко. Постепенно можно было заметить, что все чаще Костя приглашает Елену. И та иногда даже отказывала другим кавалерам, приглашавшим ее.

После танцев Костя провожал девочек до дома, и Майя все чаще оставляла их с Леной вдвоем.

Но когда Костя неожиданно для себя, удивляясь своему смущению и растерянности, пришел к школе встретить Лену после уроков, он не мог от смущения даже связно разговаривать. Почему-то Лена тоже была смущена и они молча пошли в сторону от дома.

– Ты не озябнешь?

Лена молча отрицательно покачала головой.

Почти не разговаривая они гуляли, а потом прощались у подъезда.

– Можно мне приходиться к концу уроков?

– Приходи ...

С этого дня Лена и Костя почти каждый вечер гуляли после уроков – если не шли на танцы, то для занятий математикой Костя стал приходиться к девочкам. Лена и Майя жили в одной комнате, у обоих были проблемы с математикой, а иногда к ним присоединялись и их подружки.

По выходным Костя уводил девочек в лес на лыжах, и пухленькая Майя стала их оставлять наедине. Но ни Костя, ни Лена как-то не обратили на это внимания – их разговорам спутники не мешали, а ничего иного не происходило.

Лето нарушило спокойное течение знакомства – Костя сдавал экзамены в институт, а Лена поехала в лагерь.

Последнее очень напрягало Костю воспоминаниями об Олимпиаде.

Он ждал Лену и волновался, хотя никаких обещаний они друг другу не давали.

Но вернувшись из лагеря Лена так кинулась к Косте и так ласково взяла его за руку, и так взволнованно сказала:

– Мне было так скучно там без тебя! А тебе? Как твои экзамены? Поступил?

И ее большие красивые глаза так бесхитростно и ласково

смотрели на Костю, что ему ужасно захотелось расцеловать Лену, но ...

Они вместе проводили много времени, гуляли по лесу, уходили купаться на пруд. Сперва Лена настороженно замирала, если руки Кости касались ее тела или он ловил ее, когда она убегала, а он догонял.

Но постепенно она привыкла к тому, что никаких вольностей Костя себе не позволяет, и когда он хватал ее на бегу или она догоняла его и обхватывала за талию, то это было совершенно естественно ...

КОСТЯ ЛЕЧИТ ЕЛКУ

Таисия Архиповна с тревогой наблюдала за тесной дружбой Лены и Кости, тем более, что Костя уже поступил в институт, а Лена еще не кончила школу. И когда вечером высокая и худющая Лена убегала на танцы с Костей, то она тайком крестила их вслед.

Начались занятия и ездить в Москву каждый день Косте было сложно и он приезжал только на выходные. Но зато в выходные дни они почти не разлучались и везде бывали вместе – с подружками Лены в общежитии у Таисии Архиповны, дома у Скворцовых или у Свиридовых, на концертах в доме культуры, на танцах. И даже не пытались уединиться, и никто ничего, кроме очень тесных дружеских отношений, не мог заметить.

И то, что Лена бегала встречать автобус из Москвы, на-

смешек не вызывало.

Взявшись за руки они бежали к Косте домой и Лене там воспринимали почти как члена семьи. И, уж по крайней мере, совсем не как случайную гостью.

– Как жаль, что наши зимние каникулы не совпадают! – как-то с сожалением сказала Лена. – Мне будет скучно без тебя ...

– Но зато потом я буду провожать тебя в школу и встречать после уроков ...

Успешно сдав первую сессию Костя приехал домой на первые студенческие каникулы, и хотя ему предлагали поехать в студенческий дом отдыха, он предпочел провести каникулы дома. С Леной. И дождавшись вечера он пришел к девочкам.

Девушки обрадовались ему – и пирожным, которые он принес. А Лена, хоть и обрадовалась приходу Кости, была в этот вечер немного скучноватой, скованной.

Они договорились с утра отправиться в лес на лыжах и ушли по еле видной лыжне, присыпанной снегом. Но Лена шла с трудом, и они часто делали привалы, и Костя согревал Лену у себя под курткой, а она дремала. Прикоснувшись к ее лицу Костя почувствовал горячий лоб.

– Тебе жарко?

– Нет, мне холодно. Давай пойдем обратно ...

Обратно они шли медленно, часто останавливаясь, и тогда Костя не давал ей садиться, а обнимал и закутывал полами

своей куртки.

И привел Лену к себе домой.

Лена с трудом сняла куртку и теплые брюки и Костя засунул ей градусник под мышку.

Виолетта пощупала лоб Лены и пошла готовить ей питье.

Градусник показал почти сорок и Костя вызвал врача.

Врач появился минут через десять, выгнал Костю из комнаты и стал слушать и осматривать Лену.

– Сильная простуда. Если не перехватить, то может перейти в воспаление легких. Надо ее госпитализировать.

– А можно лечить дома? – почти в один голос спросили Костя и Виолетта.

– В принципе можно. Но нужно будет делать уколы.

– Я сделаю! И посижу с ней. Доктор, ей будет очень хорошо, мы будем ухаживать за ней!

Лена в забытии лежала на диванчике в комнате у Кости, лицо ее было влажно. Она с трудом открыла глаза.

– Что со мной?

– У тебя сильная простуда. Доктор хотел упрятать тебя в больницу, но мы не дали. Ты останешься тут, и мы будем лечить тебя, Я сам буду делать тебе уколы.

Лена немного попила приготовленного Виолеттой травяного настоя, Костя снял с нее теплые рейтузы и фланелевую рубашку, уложил поудобнее, и Лена закрыла глаза.

Костя сел рядом с диванчиком на полу и стал разглядывать лицо Лены. Так, ничего особенного, вот если бы она от-

крыла глаза – глаза у нее были особенные, большие и красивые.

Но все равно он не мог оторваться и не мог объяснить, почему эта девочка так важна для него. Они ни разу не целовались, никогда не говорили о чувствах, не старались уединиться.

С Олимпиадой было совсем не так – его волновали ее грудь, ее тело, и об этом он думал в ее отсутствие. О теле Лены он никогда не думал и ее почти мальчишечье тело его не волновало, но он скучал без нее, как не скучал раньше без Олимпиады. И сейчас, когда он осторожно взял ее за руку и ощутил слабоежатие ее пальцев, он почувствовал неизъяснимую нежность к этой девочке.

Маша принесла лекарства, ампулы и шприцы. Костя достал из аптечки пузырек со спиртом и вату.

– Не боишься? Хочешь, я уколою ее? – озабоченно спросил Виктор.

– Или я могу делать ей уколы?

– Спасибо, Виола, спасибо, папа. Нет, я буду делать это сам.

– Витя, ну скажи ему! – вмешалась Лена.

– Действуй, сын. Мы рядом.

Костя ушел к себе и прикрыл дверь.

– Лена, повернись, я тебе укол сделаю.

Он помог ей повернуться на живот и еще не успел ничего сделать, как Лена вцепилась рукой в трусики.

– Нет!

– Я не буду колоть тебя в попу. Доктор сказал, что можно колоть в ногу.

Он распаковал шприц, открыл иглу, отломил кончик у ампулы, засосал жидкость, поднял иглу вверх и пустил маленький фонтанчик. Он старательно повторял где-то увиденное – протер смоченной ваткой тело и воткнул туда иглу. И нажимая на стержень шприца он старался как можно меньше шевелить рукой – он помнил, что от этого бывает больно.

И старательно растер ваткой место укола.

– Ну, как, было не очень больно?.

Лена слабо улыбнулась, а Костя укрыл ее и подоткнул одеяло.

– Братец, как там больная? Ты не заколол ее? – по привычке с ехидцей спросила Маша, а Виолетта по телефону разговаривала с Таисией Архиповной, рассказывая ей все происходящее подробно и многословно, и приглашая ее навестить Лену.

Костя почти не отходил от Лены, дремал, положив голову на край диванчика рядом с Леной, иногда поглядывая на приоткрывающуюся дверь. Там появлялись встревоженные лица то Таисии Архиповны и подружек Лены, то Гриша и Ульяна, то дядя Толя и тетя Тоня, то Олежка.

А Боря вкатился в комнату как к себе домой и приложил обе руки ко лбу Лены, а затем ко лбу Кости.

– Все путем, Косточка! Так держать!

– Прошу всех не волноваться. Он ее вылечит, – авторитетно заявил он собравшимся в гостиной заинтересованным лицам и все вздохнули немного спокойнее. – Простуда есть простуда, и свою неделю она все равно возьмет.

Лена просыпалась, пила из рук Кости приготовленное для нее питье и снова ложилась. И сама искала руку Кости и только почувствовав пожатие его пальцев спокойно засыпала.

Выйдя за новой порцией теплого питья Костя обнаружил на стуле около двери тарелку с крупным черным виноградом и аккуратно сложенную пижаму маленького размера.

И провожая Лену в туалет он дал ей эту пижаму, наказав переодеться и сложить снятое белье в пакет, чтобы его затем постирать.

Лена ничего не сказала, а молча смотрела на Костю, и ее большие красивые глаза были полны загадочной глубиной.

Когда он опять помогал ей перевернуться для очередного укола она уже не хваталась за трусы, а спокойно терпела укол иглы.

ИСПАРИНА

К утру она откинула одеяло – Костя почувствовал, что вся одежда на ней мокрая насквозь. Он подумал, а потом достал из шкафа свою пижаму и свои трусы.

– Переоденься, – он помог Лене сесть, но она бессильно прислонилась к спинке дивана. Тогда он расстегнул пугови-

цы ее пижамы, стащил ее и стал вытирать тело Лены махровым полотенцем, а затем натянул на нее свою свежую пижаму.

Стянув пижамные брюки он вытер ее ноги, и чуть помедлив, стащил ее белые трусики, а взамен натянул свои трусы и надел брюки.

Поверхность дивана была совершенно мокрой и Костя поднял Лену на руки и перенес ее на свою кровать. Укрыв ее одеялом и убедившись, что Лена спит спокойно, Костя унес мокрое белье и зарядил стиральную машину.

Костя постоянно ощупывал лоб Лены, и только к утру горячий пот сменился холодным, а дыхание ее стало ровным. И он заснул, пристроившись рядом с кроватью.

Проснулся он от прикосновения ее пальцев.

Лена смотрела на него, положив лицо на самый край кровати, и касаясь рукой его уха, щеки, шеи.

– Тебе же там неудобно, – сказала она слабым голосом. – А кто передел меня?

– Я.

Лена закрыла глаза.

– Хочешь пить? Или есть? Хочешь виноградику?

Ей было неудобно есть лежа и Костя приподнял подушку и сел на кровать. Одной рукой он придерживал подушку с головой Лены у себя на коленях, а другой клал ей в рот крупные черные виноградины.

– Вкусно? Это дядя Толя принес, ему кто-то привез пря-

мо из Узбекистана. Как ты себя чувствуешь? Давай смеряем температуру.

– Слабость сильная, а так ничего.

Пришел доктор, посмотрел запись температуры, послушал Лену.

– Очень хорошо! Но уколы нужно сделать все, чтобы не было рецидива. За вами, милая девушка, очень хорошо ухаживают.

Забегала Таисия Архиповна, стала охать и ахать.

Костя вышел из комнаты, чтобы не мешать. А потом, когда Таисия Архиповна вышла и пыталась продолжить свои причитания, Виолетта легко переключила ее на обсуждение свойств лечебных травок, в которых обе женщины, как оказалось, неплохо разбирались.

– Ну, что она тебе наговорила? – спросила Лена.

– Да ничего. Они там с Виолеттой общаются. А тебе что она сказала?

– Она все ахала и причитала. Она добрая, хоть и шепутная временами. Она так волнуется за всех девчонок – спасу нет! Волнуется за меня ...

Лена понемногу набиралась сил и уже самостоятельно переделась в выстиранное белье. Пижама была ей в самый раз и она спросила, чья это.

– Это Виола купила специально для тебя. В мою-то тебя можно завернуть два раза!

Лена сама поела и даже села в кровати, опираясь на по-

душку.

А Костя улегся на диванчик и заснул. И просыпался, когда пора было делать уколы, и Лена откладывала книжку и дисциплинированно переворачивалась на живот.

ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПРИСТАЕШЬ?

Она уже выходила на обед к общему столу, завернувшись в чей-то большой халат, и даже пыталась помочь по хозяйству.

А еще все попытки Таисии Архиповны организовать перемещение Лены на ее место в общежитии встречали единогласный отпор всех Скворцовых включая Витеньку.

После завтрака Лена встала перед зеркалом – хоть оно было и небольшое, но все же.

И вдруг спросила.

– А я тебе совсем не нравлюсь? Почему ты ... почему ты ко мне не пристаешь?

– Что!?

– У нас в классе мальчишки всегда пристают к девочкам, которые им нравятся. Щиплют их, шлепают, за волосы дергают ... А я тебе не нравлюсь? Конечно, я плоская – как доска. У других девочек ...

– Иди сюда.

– Что?

– Иди сюда.

Лена послушно подошла к нему. А Костя взял и посадил

ее к себе на колени.

— Если я тебя не колочу, то это совсем не означает, что ты мне не нравишься ... У тебя все ребрышки наружу и лопатки торчат — как можно тебя обижать? Мне хочется защищать тебя, охранять, обнимать ...

Он ласково обнял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал. Лена не отстранилась и протянула к нему губы. Целоваться она еще не умела, но старалась. Костя гладил ее худенькую спину, целовал шею и ключицы. Он расстегнул пижаму и стал целовать ее плоскую грудь, а когда он губами взял в рот ее крохотный сосок Лена обессилено откинулась.

— Что, Лена? Тебе нехорошо?

Лена отрицательно покачала головой и рукой прижала его голову к своей груди ...

— Для счастья совсем не требуются пышные формы, поверь мне. Ты даже представить себе не можешь, какое это счастье касаться твоего тела ...

Его руки гладили ее выступающие ребра, ее лопатки, и ее тело отвечало на каждое его прикосновение ответной дрожью. И рука Лены робко пробиралась к нему под рубашку и нерешительно дотрагивалась до его тела.

Скоро Виолетта позвала их пить чай. Все обратили внимание, что глаза у Лены какие-то особенные, громадные и ошалелые, а губы немного припухли. Но никто ничего не сказал.

Вечером после укола и приема лекарств Костя уложил Лену и укрыл ее, а сам отправился на диванчик.

– Ты спишь?

– Нет.

– Костя, можно мне ... Я просто лягу рядом с тобой ... ничего такого ... ты просто обними меня ... ты ничего не подумай ... ты обнимешь меня, и я сразу засну ... Пожалуйста!

– Мы тут с тобой не уместимся, – и Костя перебрался на кровать к Лене. Лег у нее за спиной, положил руку ей на плечо.

Лена взяла его руку и обняла ею себя и замерла. Казалось, она даже не дышала – или от страха, или от своей неожиданной смелости, или от новизны ощущений.

Утром она проснулась в его объятиях и долго лежала неподвижно, слушая его дыхание и чувствуя тяжесть его руки. Потом она стала тихонько гладить эту руку и Костя проснулся.

– Как ты себя чувствуешь, моя Елочка?

Тогда она повернула голову и стала целовать его, обхватила его рукой, прижалась к нему, понимая, что чтобы он сейчас ни сделал – ему можно все.

Они почти ничего не говорили, Костя гладил ее торчащие лопатки и легонько прижимал к себе. Нацеловавшись они оба откинулись на спину.

– Давай вставать?

– Давай ...

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Костя пришел с улицы и не обнаружил Лены в комнате.

Он вышел в коридор и прислушался – везде было тихо. Костя постучал и приоткрыл дверь в комнату Виолетты – на диване сидела с книгой Лена, а перед ней на ковре играл Витенька.

– Что читаешь, беглая девочка?

Лена показала обложку – «Два капитана».

– Какая любовь! – она даже шмыгнула носом. – Что ты принес? Что приготовить?

Через пару дней Лена уже отправлялась к себе в общежитие. Все прощались с ней очень сдержанно.

– Ты не думай – все не хотят, чтобы ты уходила, – шепнула ей Маша, – А то оставайся?

Лена покраснела.

Костя тепло укутал Лену, подоткнул все щелочки, и они пошли в ее корпус. Костя нес пузатый пакет. Лену встретил визг подружек и объятия Таисии Архиповны – как будто она нивесть куда уезжала.

Костя помог Лене раздеться.

– Майка, вот тут виноград, иди, угости девочек.

А Лена стала разбирать остальное. Достала свое постиранное чистое белье, пижаму – она оказалась в магазинной упаковке.

– Нет, нет, это не я, – засмеялся Костя на ее немой вопрос, – Это Виола положила.

Они молча посидели за столом. Вбегала и выбегала Майя,

но она им не мешала.

– Я приеду на выходные. Только ты не простужайся, береги себя, А то и погулять нельзя будет!

– Я постараюсь ...

– Я буду скучать без тебя ...

– Я тоже ...

Провожая Костю к выходу Лена поцеловала его.

– Я жду тебя ...

Забегала Ульяна, и сама Лена забежала к Свиридовым – благо для этого не нужно было выходить из корпуса на улицу. Когда она ушла Гриша задумчиво сказал.

– Ленка изменилась ...

– Ты думаешь, что ... Она бы мне сказала!

– И Костя сказал бы ... Но у нее глаза другие ... Наверное, целовались.

– Да?.. Вот так?.. Или так?...

– Не ... кусайся ...

СОВЕРШИЛОСЬ

Изменения во внешнем виде Лены не остались незамеченными.

То Ульяна ей скажет, или спросит – как вы...? То Таисия Архиповна завздыхает – что с тобой происходит, девонька? То мальчишки в школе смотрят как-то странно ...

Да и сама Лена тоже стала замечать. Бедра стали раздаваться и трусики стали тесноваты, и грудь стала побаливать.

В зеркале тоже стало заметно, что грудь у нее совсем не такая уж и плоская, и вообще ...

И конечно, Ульяна была первая, с кем Лена поделилась.

У Кости закончилась сессия, у Лены – экзамены, и они свободно вздохнули. И бегали по лесу, догоняли друг друга, и целовались захлеб.

– Ты знаешь, впереди целое лето. Что будем делать?

– Не знаю ... Пойдем к тебе.

– Пойдем.

Виолетта еще не пришла с работы и дома никого не было.

Они прошли в комнату Кости и сразу начали целоваться.

– Леночка! Моя дорогая Елочка! Ты для меня ... самая красивая, самая обаятельная и ... привлекательная, самая добрая ... и вообще самая-самая ...

Лена хотела что-то сказать Косте ...

– Подожди, – он остановил ее, – Дай мне сказать. Ты для меня самая прекрасная девушка на свете. Я тебя люблю и идеализирую тебя ... Да и ты меня, наверное, тоже ... Но чем сильнее мы с тобой будем стараться соответствовать идеалу друг друга, тем крепче и дольше мы с тобой будем связаны ...

– Я не умею так красиво говорить ... Я тоже люблю тебя и буду стараться быть такой, как ты хочешь ...

Их поцелуи не были нетерпеливыми, они были просто страстными.

– Ты давно не целовал меня ... там ...

Рассказывая все это Уле Лена не могла сдержать эмоций.

– Ты знаешь, Уля, это было что-то ... невообразимое ...

Он стал залезать мне под свитер снизу, и каждое движение его пальцев ... восторг ... наслаждение ... А он еще двигал руки медленно-медленно, и я вся дрожала ... А когда он дотронулся ...

Костя ласкал каждое ее ребрышко, каждый сантиметр, прятанный под свитером.

Когда его пальцы стали ощущать ее распускающуюся грудь, то его наслаждению и возбуждению, казалось, уже не было предела. Но были еще соски, совсем не те маленькие пенечки, а что-то совсем иное. И он открыл это и прижался к ним губами, и стал целовать и ласкать эти распускающиеся бутоны, чувствуя, как слабеет ее тело и становятся бессильными губы ...

– Он целовал меня всю ... живот, ноги, и так ласкал пальцами, что я уже ничего не помню ... только огромное счастье ... А потом он снял с меня трусики и ...

– Больно было?

– Я не помню ... Но потом простыня была в крови ... Он говорил и ласкал меня ... и я его ласкала ... Улечка, это же полный отпад!

– Я за тебя рада ... За вас рада! Будьте счастливы!

О КОСТЕ и ЛЕНЕ

Проснувшись, Костя ощутил рядом тепло. Он повернул

голову и увидел рядом на подушке девичье лицо и растрепанные волосы.

«Елочка!» – с нежностью подумал он. Через открытую на лоджию дверь слышался гомон птиц, щеки девушки окрашивал неяркий румянец, а длинные ресницы заборчиком прикрывали глаза.

Первый взгляд на еще непроснувшего на твоей подушке человека очень важен – он определяет все. Если при этом не чувствуешь волнения и нежности к спящему, а испытываешь совсем иные чувства, то о какой любви можно говорить?

А вот если первый взгляд вызывает ощущение радости и нежности к лежащему рядом человеку, когда этот человек очень важен и необходим, и лежащий рядом с вами человек испытывает к вам такие же чувства, то можно позавидовать вам и порадоваться за вас.

Косте захотелось обнять Елочку, обхватить ее руками, защитить ее от всего, постоянно видеть ее и ласкать ее ...

Лена открыла глаза и улыбнулась Косте, и потянулась к нему, протянула руку и обняла его, прижалась.

– Костик ...

Но тут в глазах ее появилось беспокойство и даже страх.

– Сколько времени?

– Ты чего-то боишься?

– Я боюсь выйти из комнаты ... – помедлив ответила Лена. – Там твои ...

– А мы выйдем вместе. И я скажу им, кто ты для меня.

– Что ты им скажешь?

– Ты – моя любимая девушка, моя женщина. Если согласна, то моя жена.

– Я тебя люблю ... мой ... милый ...

– Согласна ... стать ... моей женой ?...

– Разве ... я уже ... не твоя ... жена?...

– Моя ... милая ... любимая ... жена ...

Они еще долго целовались. Потом Костя вылез из-под одеяла и стал натягивать плавки.

– Вставай.

– Отвернись.

– Ты меня стесняешься?

– Еще чего! Но отвернись. У тебя халатика нет?

– Нет. На вот мою джинсовую рубашку – она длинная, будет тебе как платье. Или надень свою пижаму – она на полке.

Лена накинула Костину рубашку и застегнула ее – действительно, на ней рубашка выглядела как коротенькое платьице.

– Но лучше уж в пижаме ...

– Пойдем, я с тобой.

– Простыню ...

– Что?

– Простыню ... она испачкана ...

Костя посмотрел на постель – на простыне темнели полосы засохшей крови ...

– Тебе было очень больно? – обнимая Лену спросил Ко-

стя.

– Я даже не заметила ... Мне так хорошо было ... А тебе ... как было?

– И мне было хорошо. И я старался не делать тебе больно ...

– Правда?

И они снова начали целоваться.

– Пойдем, а то мы с тобой будем целоваться до вечера!

– Сейчас. Я только спрячу простыню в пакет.

Дверь ванной комнаты была рядом с дверью комнаты Гостиной матери, но им никто не встретился и Лена спокойно помылась ...

ЗА СТОЛОМ

Из гостиной раздавались голоса и когда Костя с Леной вышли туда, то все были в сборе.

– Здравствуйте, молодежь! – первым приветствовал их Виктор. – Садитесь ужинать. Елка, садись сюда, рядом со мной.

– Здравствуйте. А это моя любимая женщина и жена по имени Елена Прекрасная.

– Что она прекрасная, мы и без тебя знаем, – заметила Виолетта. – Садись, Леночка.

Неловкость почти прошла, Лена села за стол, но смущение ее не покидало.

Она сидела между Виктором и Виолеттой, с другой сторо-

ны от Виктора сидела Елена Петровна, мать Кости и довольно сурово поглядывала на Лену.

Улучив момент Виолетта наклонилась к Лене

– Как, все в порядке?

– Да, – чуть слышно ответила Лена, не совсем понимая, что Виолетта имеет в виду. – Все в порядке ...

После ужина Лена с Костей пошли искать Таисию Архиповну. С ними увязалась Маша.

И хотя вчера вечером Костя сказал Таисии Архиповне, что Лена будет ночевать у него, что Таисии Архиповне волноваться не следует, что он Елочку не обидит, все же надо было найти ее и сказать ей ...

Таисии Архиповна сидела у себя в комнате и в одиночестве пила чай.

– Добрый вечер, Таисия Архиповна. А это мы.

– Добрый вечер, тетя Таисия ...

– Таисия Архиповна, мы ... Мы с Елкой стали мужем и женой ... И я вам обещаю, что буду любить Елку и заботиться о ней ... И вас мы будем любить тоже ...

Лена и Таисия Архиповна прослезились.

Маша спросила, где Даниил Аркадьевич и ушла искать его в первую секцию.

Дан собирал новые деревянные кровати и убирал старые, металлические.

– Дан, – позвала его Маша.

– Машуня! Здравствуй!

Они обнялись и поцеловались.

– Я уже соскучилась.

– Но сюда могут прийти...

– Сегодня ты можешь прийти ко мне, – отрываясь от него сказала Маша. И добавила, чтобы было понятнее – И сможешь остаться на всю ночь.

– Что-то произошло?

– Костя и Елка ... А чем мы хуже?

– Не боишься?

– Боюсь. Но хочу, чтобы ты пришел.

– Значит, я приду.

Виолетта уложила Витеньку и вышла в столовую – там подперев голову рукой сидела Елена Петровна.

– Что же будет?

– О чем ты? О Косте и Лене?

– Не получится у него как с Олимпиадой?

– Думаю, что все будет нормально. Леночка – это тебе не Липа. Нормальная девочка, не балованная, не испорченная

...

– Да, а как в постель к нему прыгнула!

– Уверена, что не она прыгнула. Ты глаза ее видела?

– Ой, Виола, я так боюсь за Костика! Не дай ему бог второй Липы!

– А ты с Леночкой помягче, помягче. А то она тебя побаивается ...

– Нет, я верю, что девочка действительно хорошая и лас-

ковая ...

СКВОРЕЧНИК

Лена давно уже познакомилась с Витенькой, и он узнавал ее и радовался ее приходу.

Вот и сейчас он увидел Лену и переваливаясь пошел к ней, улыбаясь и по своему лопоча.

– Привет, Витенька! Иди, иди ко мне!

Виолетта сидела на диване и что-то шила.

– Вот и наша Елочка пришла! Да, Витенька?

– Вот вы где! – вошла Маша и присела рядом в Виолеттой. – Как, примем Елку в наш скворечник?

– Надо расспросить ее, узнать что и как ...

– Правильно! Елка, скажи, любишь ли ты Костю?

– Да, – смутилась Лена, – я люблю Костю.

– Хочешь ли ты стать его женой?

– Хочу, – опять смутилась Лена.

– Будешь ли ты верно любить его и в горе и в радости? В славе и в бесчестьи? В молодости и в старости? В здоровьи и в болезни? Красивого и некрасивого? Всякого?

– Я его люблю, – смущенно ответила Лена. – И он всегда красивый ...

– Будешь ли ты заботиться о Косте, как полагается заботливой жене?

– Буду ...

– Хочешь ли ты ребенка от Кости?

– Хочу, – еще больше смутилась Лена и покраснела.

– Будешь ли ты хорошей жительницей нашего скворечника?

– Я постараюсь ...

– Ну, примем Елку с наш скворечник?

– Примем. Неси рюмочки.

Маша принесла три серебряные рюмочки, наполненные молоком.

– Теперь, Елочка, ты полноправный член нашего скворечника.

Женщины занялись Витенькой, а затем Маша спросила:

– Как у вас с Костей, все нормально прошло?

– Нормально, – опять покраснела Лена.

– Ты не смущайся! Мы видели простынку, знаем, что ты была девушкой. Больно сильно было?

– Маш, ну что ты ее смущаешь?

– Совсем не было ... А что, должно быть больно?

– Совсем не обязательно, Леночка. Это от Кости сильно зависит. Значит, он был очень осторожен.

– Вы защищались?

– Что?

– Ну, с презервативом или без? Или ты таблетку приняла?

– А я не знаю ... Я ничего не принимала ... А Костя надевал ... – тут Лена совсем смутилась и залилась румянцем.

– Виола, дадим ей таблетку? Она же вполне взрослая.

– Я думаю, что можно. Только ты Косте скажи, что мы

дали тебе таблетку.

– А что за таблетка?

– Это чтобы не забеременеть. А когда захотите ребенка, то перестанешь принимать – и все.

– Без резинки – совсем другое дело. Верь мне, я знаю ...

КОЛЕЧКО

Костя долго отсутствовал, а потом потащил Елку в кафе «У Полины». Они сели в сторонке и Костя сказал.

– Знаешь, Елка, я не умею красиво говорить ... Но я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива ... Конечно, до свадьбы не полагается ...

Лена покраснела.

– До свадьбы не полагается, чтобы невеста переходила в дом жениха, но мы все равно уже муж и жена ... Переселяйся ко мне. Пожалуйста!

Лена сжала ему руку.

– А еще невестам полагается делать подарки, а я этого тоже не умею. Но вот это для тебя.

Костя достал из кармана маленькую коробочку.

Лена открыла ее – там на красном бархате сверкало алмазной каплей колечко.

Костя осторожно надел его Лене на палец.

Лена переводила глаза с колечка на Костю и обратно.

– Это первый твой подарок и я запомню его на всю жизнь!

Костя оторвался от ее губ.

– Мне Машка сказала, что они с Виолой дали тебе таблетку ... Чтобы ...

– Да, милый. Не надевай ...

Когда они обессиленные откинулись на подушку Елка нашла силы и повернулась к Косте.

– Маша была права ... И ты постарался ... Теперь я понимаю девчонок у нас в интернате ...

– А что, у вас там ... И много было?...

– Нет, не много ... Но когда у девчонки утром сумасшедшие глаза, а он такой заботливый ... Вон Настя с Геной уже давно ...

– И как же она не забеременела?

– Кто-то из воспитательниц помог, они у нас там умные и добрые ...

В МАГАЗИНЕ

На другой день Костя затащил Лену в магазин, на второй этаж, и привел в отдел женской одежды. Смущению Лены не было предела.

– Я смущаю тебя?

Она даже ответить не могла, а лишь испуганно кивнула.

– Тогда выбирай все сама, а потом позови меня.

– Пожалуйста, подберите Елке халатик, белье, тапочки, банное полотенце, джинсы, джинсовую куртку и еще что необходимо на первое время ... Я оплачу.

И Костя отошел в сторону.

Продавщица – а она жила здесь же, в городе – ласково и спокойно занялась с Леной, и та немного успокоилась. И только через полчаса продавщица позвала Костю

– Костя! Иди сюда! Мы выбрали! Будешь смотреть?

– Зачем? Я потом посмотрю, – ответил Костя, чем снова смутил Лену.

И достал пластиковую карту ...

ПОЗДРАВЛЕНИЕ СВИРИДОВА

К вечеру все разбрелись по комнатам, по своим делам.

Лена сидела у Виолетты и помогала ей подгонять Витеньке комбинезон.

– Люди, эй! Есть кто в скворечнике?

– Это Толя!

Свиридов расцеловал всех, подошел к Лене.

– Здравствуй, Елочка! Рад видеть тебя, и рад за вас с Костей. Счастья вам!

Лена смутилась – она еще не привыкла к своей роли в этом доме, и ей все казалось, что как и прежде она забежала в гости.

А Свиридов нашел на стене гитару и тихо запел.

Ты говоришь – я молчу,
Только тебя слушать хочу,
Во всем стараюсь,
Как ты,

Найти счастливые черты.
Ты видишь -
Пролетает звездочкой ракета,
А это добрая примета.
Полнеба золотого света -
И это добрая примета.
Туманом озеро одето -
И это добрая примета.
По всем приметам -
Нас нашла любовь.

Свиридов пел очень тихо и как-бы для себя, но Елка чувствовала каждое слово.

Я говорю – ты молчишь,
Робость поймешь,
Смелость простишь,
И много добрых примет
Еще добавишь мне в ответ ...

– Дядя Толя ... как хорошо! Спасибо вам!

Ты слышишь пароходов
Перекличку где-то,
А это добрая примета.
Запели птицы до расчета,

И это добрая примета.

Струной зазвенело лето,

И это добрая примета -

Идет навстречу нам с тобой любовь ...

Свиридов отложил гитару.

– Молодые, ответьте мне на несколько вопросов. Можно?

– Конечно, дядя Толя!

– Тогда, Костя, скажи мне. Мужчина в своей жизни должен сделать три главные вещи. Сделать женщину счастливой, родить сына и посадить дерево.

– Дядя Толя ... Там немного не так ... Построить дом, посадить дерево, родить сына ...

– Видишь ли ... Ты уже достаточно взрослый. Формула, которую ты привел, очень старая. Она мудрая, но ... Можно построить дом, можно рядом посадить дерево и даже завести сына от нелюбимой и нелюбящей женщины. Моя формула универсальнее. Сделать женщину счастливой – возможно, для этого придется построить дом, и даже не один, но это не обязательно. Посадить дерево – формулировка общая, под этим может скрываться различная созидательная деятельность с конкретным результатом. Родить сына – продолжить род, поэтому могут быть и мальчики и девочки. Но без первого элемента – сделать женщину счастливой ничего не получится при любом внешнем благополучии. Согласен?

– Согласен.

– Тогда ответь мне – любишь ли ты Елену так, чтобы осуществить эту формулу с ней, и именно с ней, и только с ней?

– Да, я готов сделать это. Елка для меня и прекрасный друг и чудесная любовница ...

Лена неудержимо покраснела.

– И мне очень нужно, чтобы она была со мной, и чтобы у нас с нею были дети.

– Важно еще уважать свою возлюбленную.

– Наверное. Но Елка так дорога мне, что я не представляю, как я смогу быть без нее. Когда я смотрю в ее глаза, то вижу целый мир. Мой мир, наш мир.

– Чего больше в твоей любви – физического или духовного? Сложно?

– Да, ответить сложно. Сейчас мы с ней начинаем жить вместе и постель ...

Лена снова стала краснеть.

– И постель играет большую роль. Но не самую главную. По крайней мере для меня.

– Попробуй сформулировать главное, что ты готов сделать для своей женщины.

– Самое главное ... Наверное то, что я никогда не смогу ее обидеть ... Никак и ничем ...

– Молодец! Леночка, теперь ты. Жена – это не просто женщина в доме, это не просто женщина около мужчины. Это и забота, это и работа, это все то, о чем мы говорили только что. Что для тебя Костя?

– Ой, дядя Толя! Я не умею говорить красиво, как Костя. Только он для меня ... он для меня самый лучший, самый красивый, самый умный, самый главный ... А теперь еще и самый ... мужчина. Я без него жить не смогу. И сделаю все, чтобы он был счастлив со мной. Я пока еще мало что умею, но я научусь ... Вы так хорошо сказали – главное сделать ... женщину счастливой. Будет он – будет счастье, а остальное ... Остальное образуется, как говорит Костя. Я Костю очень люблю ...

– Молодцы. Я желаю вам всего наилучшего – счастья, успехов, детишек. Создайте семью и будьте счастливы.

– Спасибо, дядя Толя!

– Тебе не показалось, что дядя Толя был какой-то грустный?

Елка все еще не могла освоиться с новой для нее ролью.

И только вечером, оставаясь с Костей в его комнате – в их комнате! – она чувствовала себя взрослой и желанной женщиной.

И старательно училась у Виолетты тому, что должна знать и уметь заботливая жена ...

ДАН ПРИШЕЛ

А Маша и Дан пришли поздно и никого в коридоре не встретили.

Дан по новому осматривал комнату Маши, разбросанные детали женской одежды, которые Маша почему-то теперь от

него не прятала, выстроившуюся перед зеркалом косметiku.

И Машу, откидывающую одеяло на кровати, и ее тянущиеся к нему руки и губы ...

Оторвавшись от ее губ Дан потянулся и вынул из кармана небольшой пакетик, но Маша потянула его к себе и на ухо ему прошептала:

– Никогда этим не пользуйся.

Она хотела добавить «со мной», но решила, что это лишнее.

А утром за руку силой привела Дана к завтраку.

– Это Дан, Даниил Аркадьевич, мой мужчина. Прошу любить и жаловать.

Первым приветственно замахал руками Витенька.

– Доброе утро, Даниил Аркадьевич. Прошу, позавтракайте с нами. Маша, поставь прибор. – и Виктор сделал приветственное движение рукой.

А у Елены Петровны на глазах выступили слезы и она поспешно встала и ушла.

– Мать переживает, – сказала Маша. – Ничего, Дан, это в порядке вещей. А вот это невеста моего брата Леночка, или как мы ее привыкли называть Елочка.

Дан был хорошо знаком с Леной и раскланялся с ней.

– Дан ... Можно так называть вас?

– Да, конечно.

– Вы у нас бывали и знаете, что у нас все по простому. Но сегодня, наверное, нужны какие-то слова.

– Виола, что ты смущаешь молодого человека!

– Что вы, Виктор Антонович, все правильно! Маша мне очень нравится, и сколько я не убеждал ее, что я старше ... и вообще, но она ничего не хочет слушать. Мы любим друг друга ... Я пока живу в общежитии, но думаю, что Свиридов даст нам квартиру ...

– А жить у нас вас не устраивает?

– У вас и так много народа ... – уклончиво ответил Дан.

– Даниил Аркадьевич, я не могу сейчас уделить вам достаточно времени. Но мы сможем поговорить с вами вечером, часов в семь?

– Да, Виктор Антонович.

– Маша, приведи его ко мне. Всем привет!

И сперва Виктор, а за ним и Дан отбыли на работу, а Виола с Витенькой отбыли в ясли ...

ДАН и СКВОРЦОВ

Вечером в столовой сидели три женщины – Лена, Виолетта и Маша. Они молчали, а Маша заметно нервничала.

– Не волнуйся ты так, не съест Витя твоего Дана.

– У Дана характер ... вредный, его иногда заносит.

– Ты сомневаешься в отце или в ... своем женихе?

– Мать!

– Сперва Костик, теперь Машка ... И у всех – проблемы

...

– Интересно, а как ты себе представляла их жен и мужей?

- Никак ... я думала, что все это еще нескоро будет ...
- Мать, а если Дан будет жить у нас?
- А если не у нас, то ты каждый день будешь сюда бегать

...

- Буду. Тут вы, тут Витенька ...

А в соседней квартире за столом сидели двое мужчин.

Начатая бутылка водки, разнообразная закуска.

- Еще раз за знакомство. Я пока не сократил ваше имя в удобопроизносимое ...

- Виктор Антонович, зовите меня на ты.

- Резонно. Даже просто по возрасту. А насколько ты старше Маши? Лет на десять?

- На одиннадцать. Это много?

- Думаю, не это главное.

- А что вы считаете главным?

- Отношения. Знаешь, мне тут Костик рассказал ... Он утром проснулся, повернул голову и увидел рядом лицо своей спящей Елки. Говорит – такая нежность к ней его охватила, такое желание обнять и защитить от всего, такое желание все время видеть ее рядом ...

- Молодец! Я так говорить не умею, но полностью с ним согласен. И Маша для меня – такой подарок, что вы себе даже не представляете ...

- Расскажи мне о себе. О нас ты, наверное, все знаешь

- Рассказчик я плохой. И основным у меня до этого была война ...

Когда Дан завершил свой недлинный рассказ в бутылке оставалось на самом доньшке.

– Не в службу, Даня, в холодильнике еще такая бутылка есть. Достань.

– Ты знаешь ... Вот Толя ... Свиридов, он тебя бы понял с полуслова. И боль твою, и тоску твою. Я спрошу его, что он думает о вас с Машей. А что думаешь ты?

– Машуня ... Она может быть жесткой, а у меня душа оттаивает с ней, она меня ... меняет. Я мягче и добрее делаюсь. И люблю ее очень. Но я же старый, раненый ...

– Ну, в этом плане ты, конечно, старый дурак. Не обижаешься? Ведь она-то в тебе тоже что-то нашла, что ей важно. Так что ты думаешь о вас?

– Мы поженимся. Пойду к командующему – думаю, однокомнатную квартиру он нам выделит.

– Да выделит! Вон, прямо на этой площадке. И будете вы бегать каждый день к нам, Машка так уж точно. А спать будете уходить к себе – или она к тебе? – так почему нельзя ложится спать в ее комнате?

– Я не хочу вас обидеть, но муж должен обеспечить жене условия ... В примаки идти ... не хочется.

– Знаешь, у меня семья в детстве была небольшая – я да мама. Так и жили вдвоем. А потом я вообще один остался ... И всегда хотел, чтобы дома за столом собиралось много народу – своих детей, их жен и мужей, их детей – моих внуков. Вот сейчас нас было четверо, потом шестеро, а потом

пришла Елка ... Это чудо, как хороша! А теперь бы пришел ты, стало бы нас восемь. Чувствуешь? Восемь!. А потом внуки ...

– Это какую же квартиру надо ...

– Да не в этом счастье, были бы люди настоящие ... Я тебе по секрету скажу, но ты не болтай раньше времени ...

– Ну, что вы, Виктор Антонович.

– Я еще не остановился ... Мы еще родим сына или дочку ... Представляешь? Будет девять. А потом пойдут внуки ... Костины ... Твои ...

– И все за одним столом?

– Тебе это кажется несерьезным? А для меня это важно – видеть всех сразу ... Поэтому решайте с Машкой ... Да какой из тебя примак в данном случае – что, у меня подворье что-ли, хутор со скотиной или богатство наследственное? Решайте. Решите отдельно – поговорю с Толей, получите квартиру здесь, рядом.

Они допили вторую бутылку. Виктор потянулся и достал из пиджака сотовый телефон.

Он нажал всего одну кнопку и поднес телефон к уху.

– Виола, милая ... Скажи Машке, чтобы забирала своего ... Мы уже в препорции ...

Через минуту открылась дверь и в квартиру вошли Маша, Виолетта и Лена.

– Ну, и кто тут хорош? Пошли, Дан, обопрись. Рана не болит? Отец, ты чего его напоил? Он же раненый!

– Ничего, Маша, все путем!.. Мы хорошо поговорили ... с Виктором Антоновичем!.. Все нормально ... все путем ...

– Идем, идем!

И Дан с удивлением смотрел, как Виктор обнимает и целует сразу двух женщин, и они ничуть не мешают друг другу ...

МЫ ПОЖИВЕМ с ДАНОМ ЗДЕСЬ?

– Папка, мы с Данном проживем пока здесь? Ты не возражаешь?

– А свадьба когда?

– Успеем! Ты его ... не очень, хорошо?

– Знаешь, Машка, я очень рад ... Правда ...

Первым «освоил» Дана Витенька. Он подходил к Дану, сидящему за столом, дергал его за штанину и поворачивался спиной – чтобы его было легче взять и посадить на колени. Устроившись на руках у Дана он отталкивал руки Маши, которые она к нему протягивала, и, прижавшись к Дану, говорил.

– Ан, блюю, – и целовал Дана.

Витенька опускал первые звуки в словах, поэтому сказанное означало «Дан, люблю». И лицо у Дана, обычно непроницаемое и суровое, становилось мягким и добрым.

– Слушай, Дан, а я хочу такого вот мальчика. А ты?

– А тесно нам втроем не будет?

– Не о том думаешь ... Так хочешь или нет? А то папка

нас обскочит!

– Ты знаешь, что он хочет ... еще?

– Он сказал мне по секрету ... Только не знает, кого из женщин выбрать ...

– А как ты думаешь, у кого родится ребенок? У Лены или у Виолы?

– Думаю, что у Виолы. Как бы то ни было, а ее папка любит сильнее ... А представляешь, если он решит запланировать двоих сразу – и от матери, и от Виолы? Вот будет номер!

– И еще мы с тобой кого-нибудь подкинем ... Вот тогда будет настоящий табор!

– И Костя с Елкой! Пальцев уже не хватает!

– Так давай?

– Давай! Не боишься?

– Еще как боюсь! И хочу ... очень ...

ДАН и СВИРИДОВ

Пачка конвертов желающих повидаться со Свиридовым сегодня была невелика.

Свиридов просмотрел конверты – как всегда они все были подписаны. Вскрыл, прочел краткое изложение просьбы. В несколько слов изложил судьбу каждого письма – дату и время встречи с адресатом.

– Мари, разыщите Даниила Аркадьевича Дубинина и пригласите его к пяти часам. Если ему удобно, конечно.

Ровно в семнадцать часов Мари впустила посетителя.

– Капитан Дубинин. Здравия желаю, товарищ генерал-майор.

Свиридов вышел из-за стола.

– Здравствуйте, Даниил Аркадьевич. Прошу вас.

Дубинин сел у приставного стола, а Свиридов устроился напротив.

– Как вы себя чувствуете, Даниил Аркадьевич? Рана не беспокоит?

– Благодарю вас, все в порядке.

– Тогда я слушаю вас, Даниил Аркадьевич. Но перед тем, как вы выскажете свои нужды, я хочу поздравить вас. Маша Скворцова – чудесная девушка. С твердым сложившимся характером, с хорошим воспитанием, честный и надежный человек. Надеюсь, что ваш союз будет прочным и пойдет на пользу вам обоим. А теперь слушаю вас.

– Благодарю вас ... Спасибо за поздравление и пожелание, Анатолий Иванович. Я пришел посоветоваться ... Видите ли, работа тренером со спецгруппами мне становится не по силам, рана не позволяет мне быть наравне со своими учениками. Я прошу перевести меня в спортшколу для школьников и подростков, там нагрузка меньше, там я буду на месте, и работать с ребятишками мне интересно.

– Я прекрасно понимаю вас, Даниил Аркадьевич. В спецподразделении такие накачанные офицеры, что даже мне бывает трудно с ними тренироваться. А с детьми физическая нагрузка поменьше, а мастерство требуется по высшему раз-

ряду. Думаю, что там вы будете на месте. Решено, переведем вас в спортшколу.

– Спасибо, Анатолий Иванович. И еще ... Виктор Антонович ко мне отнесся очень хорошо, Виолетта Вадимовна, их сын, Костя и его девушка, но все равно я чувствую себя у них в квартире ... не совсем комфортно. Если не примаком, то ... Муж в семье должен быть хозяином ...

– А Костя – хозяин?

– Он моложе, и он у себя дома. А я чувствую себя ... неловко, как будто зашел в гости.

– Отдельная квартира?

– Видимо, да ... Но с другой стороны Маша очень привязана к маленькому братику. И я к нему привязался. Виктор Антонович говорит, что даже если у нас будет отдельная квартира, то мы все время будем бегать к ним. И я с ним согласен. И еще он мне рассказал о своей мечте, когда за обеденным столом садится вся семья – дети, внуки. Много людей, родных людей. Как в деревне. Посоветуйте, как мне быть, как быть нам с Машей. Ведь я намного старше ее ...

– А что говорит Маша?

– Маша согласна с отцом, но говорит, что решать буду я и она станет делать так, как я решу.

– Если Маша с ее характером говорит это, то она очень любит вас и считает вас главой семьи. А решение где-то рядом ... Вроде бы вы живете отдельно, а вроде бы и вместе ... Отдельная семья внутри другой большой семьи ...

– Вот-вот! Только как?

– Да, задали вы мне задачу, Даниил Аркадьевич. Конечно, выделить вам с Машей квартиру нетрудно, даже рядом со Скворцовыми, но ... Я думать буду. Согласны подождать, пока я найду решение? И тогда обсудим?

– Конечно, Анатолий Иванович! Благодарю вас, товарищ генерал!

– Ну, что тебе сказал дядя Толя?

– Он одобрил мое решение перейти к ребятишкам.

– И ты не посоветовался ... насчет нас?

– Посоветовался. Он воспринял мое ощущение серьезно. Обещал подумать и предложить решение для обсуждения.

– Тогда я спокойна. Дядя Толя – уникум. Его решение всегда оптимально. Дан, не кусайся!

СВИРИДОВ и СКВОРЦОВ

– Виктор, привет. Сильно занят?

– Умеренно.

– Разговор есть. У тебя или у меня?

– Приходи. Я хоть кое-что закончить успею.

Свиридов спустился на этаж установок и прошел в кабинет Скворцова.

– Садись. Я сейчас досмотрю еще пару страниц...

Наконец Скворцов оторвался от бумаг.

– Рассказывай.

– Был у меня твой зять Данила.

– Хороший, между прочим, парень. Не балованный и честный.

– Согласен. Рана его беспокоит, просил перевести в детскую спортшколу.

– Он с ребятами очень здорово умеет разговаривать. Витенька в нем души не чает – только Дан войдет, как он к нему. «Ан шел, ан шел!»

– Заметано. Он еще старше твоей Машки и поэтому особенно остро чувствует, что он должен быть главой семьи, хозяином. Поэтому ему трудно жить вместе с вами. Что делать будем? Отселять их? Думаю, что это не решение.

– Я говорил с ним, убеждал не отдаляться. Что-то ему мешает ...

– Но Машка его считает главой семьи и слушается. И связи у него с твоей семьей уже наладились. Как дать ему почувствовать себя хозяином и не отдалить от всех?

– Не знаю, Толя. Мы с Виолой и так думали, и эдак. Будут они жить в квартире рядом – так все равно все время у нас будут. Дети пойдут – куда они их денут? К нам. Глядишь, у Кости с Елкой ребенок будет, у Машки с Даном ... у меня – так им всем вместе в одной детской играть.

– Ты уже решил насчет ребенка? Кто будет матерью?

– Я хочу, чтобы Лена сама сказала, что ... не она.

– Но тогда вам всем тесно будет в этой квартире?

– В тесноте да не в обиде ... Отдам свою квартиру, а сам в Ленкину комнату переберусь ...

- Не решение ... Ладно, я думать буду. Когда у вас весь табор собирается? Приду потолковать.
- В пятницу вечером. Мне-то скажи, что надумал?
- Пока все смутно очень. Надо формализовать.
- Ладно, формалист! Приходи, мы тебе всегда рады. Своих приводи ...

ВЕЧЕРОМ у СКВОРЦОВЫХ

Вечером все с нетерпением ждали Свиридовых.

Свиридов с Тоней, Гришей и Улей пришли с загадочными выражениями, что еще больше раззадорило любопытство. И только после чая с вкусными плюшками Свиридов сжалился над изнывающими от ожидания.

– Давайте, освобождайте стол.

Он развернул рулон бумаги, где был нарисован удлинённый прямоугольник.

– Это план садового участка в тридцать соток, который выделили семьям Скворцовых и Дубининых. Ваша задача поделить этот участок на отдельные участки для всех семей. Вот карандаш, время пошло.

– Как это разделить? Но мы же вместе!

– Но есть семья из Виктора, Лены, Виолетты и маленького Витюшки. Есть семья из Кости и Елки, у которых тоже будут дети. Есть семья Дубининых и их детей. У каждой семьи будет свой дом, участок. Делите.

– А как делить? По какому принципу?

– Как делить? Они же наши дети ...

– Но у детей, Лена, образовались свои семьи, и каждой семье нужен свой дом. Делите.

– Значит, домов должно быть три, да? Папе с Виолой и мамой, и с Витенькой, нам с Елкой и Дену с Машкой? Старшим дом побольше, нам – домики поменьше. А где мы будем все вместе собираться?

– Конечно, в большом доме. И участок там должен быть побольше. – Дан тонкими линиями разделил прямоугольник на три неравные части.

– Вот дом для семьи Виктора Антоновича и всех нас, когда собираемся, вот нам с Машей, вот Косте с Елкой. А тут еще общая детская площадка с бассейном.

– И открытая терраса для общих сборищ!

– А заборы? – спросила Тоня.

– Заборы? А зачем заборы?

– Нет, заборы обязательно нужны! – вмешался Гриша. – Пусть условные, но нужны. Каждый участок сможет быть индивидуально неповторимым, где цветы и деревья, а где ягоды и помидоры.

– Ну, вот еще! Деревья, кусты, но не картошка и помидоры!

– А по площади?

– Семейному корню побольше – все равно там много общих объектов!

– Туалеты – индивидуально, а баньку обязательно общую!

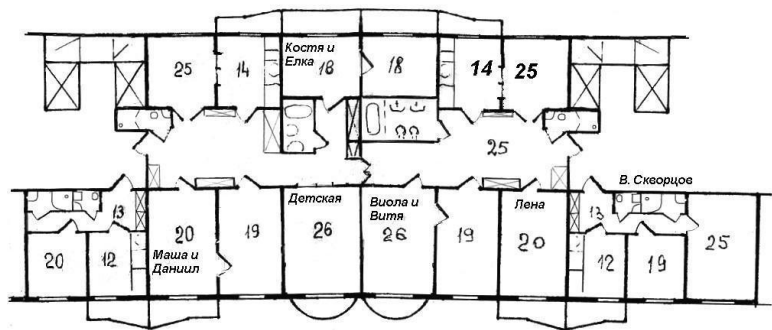
– Пятнадцать и два по семь с половиной. Наверное, так будет правильно.

Свиридов молча поглядывал на говорящих, и те постепенно обратили внимание на него.

– Участка пока еще нет, и делить нечего. Но зато все высказались за неразрывность семейных уз поколений. А там следующее поколение подрастет ...

И Свиридов расстелил на столе лист синьки, в котором легко было узнать поэтажный план дома. На синьке карандашом были внесены исправления.

Сперва все нашли свою квартиру, но она оказалась немного подправленной. Но самое главное, она соединялась с точно такой же квартирой из другого подъезда.

Новая квартира Скворцовых.

Кроме площади комнат еле заметным карандашом были сделаны надписи и все стали разбирать их.

– Толя, ты поясни им. А то они еще долго будут блуждать в этом лабиринте, – засмеялась Тоня.

– Из чего я делаю вывод, что наша милая Тонечка принимала живейшее участие в этом чертеже!

Виктор, казалось, быстрее всех понял как идею расстеленного на столе плана, так и назначение комнат. Его квартирка оставалась по-прежнему обособленной.

– Ну, дядя Толя, ты даешь! Значит, вот эти комнаты – наши, да?

– Эти комнаты предназначены для семьи Дубининых с их детьми. Вот эти – для семьи Кости Скворцова с детьми. Здесь есть своя кухня, своя столовая, и туалетные комнаты, но еще есть общая детская игровая комната для всех маленьких детей. Вот комнаты для Виолетты с детьми, вот комната Лены, и тут, в этой части квартиры большая столовая для всей семьи и большая туалетная комната с джакузи и всем прочим.

– Но у Кости с Елочкой площадь меньше!

– Дан, не выступай! Если захочешь, поменяемся!

– А по общему коридору можно устраивать велосипедные гонки ...

Все склонились над чертежом и продолжили обсуждение.

Лена переживала предстоящее переселение. Она уже привыкла к некой изолированности от остальной квартиры.

Виолетта планировала поменять функциональное назначение комнат – в меньшей устроить свою спальню, а в большей – детскую.

– А если устроить еще одну дверь вот здесь ...

– И здесь – тоже.

– Тогда можно будет детишкам перемещаться в общую игровую минуя коридор, правда?

– Толя, это лишь чертеж ... А реально?

– Та квартира свободна, а прорезание дверей лазером наши строители освоили успешно – ты же видел дверь в мой кабинет ...

ВИОЛЕТТА МОЕТ ГОЛОВУ ЕЛКЕ

Виолетта пощупала волосы у Елки.

– Пойдем, я тебе помою голову.

– Что вы, тетя Виола! Я сама помою!

– Идем, идем! Витенька, ты тут без нас не безобразничай, хорошо?

Витенька благожелательно отпустил женщин в ванну. Виолетта намочила волосы Елки, нанесла какой-то свой шампунь и стала массировать пальцами ее голову.

– Ой, как приятно, тетя Виола!

Потом происходила процедура мытья с нанесением еще какого-то геля и сушка с расчесыванием.

– Вот теперь твоя голова в порядке!

А вечером, целуя Елку, Костя обратил внимание на ее волосы.

– Ты голову помыла? Как приятно пахнет! И волосы такие мягкие и пушистые!

– Тебе нравится? Это тетя Виола мне голову помыла.

– Виола – чудесная женщина. Правда? Не называй ее тетей

...

Виктор обратил внимание, что Костя стал Лену называть «мама Лена», или так же, как Маша – просто «мать». Но, как он заметил, Виолетту никто из детей по иному не называл. И Маша, и Костя называли Виолетту Виолой и на ты, причем называли очень мягко, ласково. Только Елка еще путалась, называя Виолетту то тетей Виолой, то просто Виолой.

Виктор чувствовал, что привязанности детей постепенно переходят к Виоле, и все меньше остается на долю Лены. Наверное, Лена тоже это чувствовала, но претензий Виолетте не предъявляла.

Но однажды Виктор случайно услышал, как Виолетта строго укоряла Машу, что та недостаточно ласкова с матерью, и Маша ее слушала и не огрызалась.

Тому, что Маша не огрызалась на замечание – Виктор подивился больше всего ...

НА ТАНЦАХ

Теперь на танцы ходили тесной компанией – Гриша с

Улей, Костя с Елкой, Маша с Даном. Иногда к ним присоединялись Катя и Олег – их приняли, и Катя танцевала со всеми кавалерами, отдавая предпочтение только Олегу.

Иногда на танцах появлялась Олимпиада, издали кивала Косте.

Обычно ее сопровождали парни с аэродрома, неодобительно поглядывающие на Костю.

На этот раз они столкнулись в танце – Костя с Елкой и Олимпиада со своим кавалером.

– Ну, ты, любитель деревянных досок – не урони свою доску!

Он не ожидал такой мгновенной реакции – ему вывернул руку Костя, против двинувшихся к нему его товарищей встали Гриша и Дан.

– Тебе лучше не приходиться сюда на танцы! Ты понял? – голос Дана был негромок, но весьма убедителен. И парни ретировались, даже забыв забрать с собой Олимпиаду, и той пришлось идти вслед за ними.

– Не переживай, Елка. Ты такая чудесная, – успокаивал Елку Гриша.

– К сожалению, хулиганы у нас еще не перевелись ... Но больше они тебя не обидят, – мягко утешал ее Дан, а Маша вытирала Елке слезы.

– Неужели я похожа на доску? – со слезами спрашивала Елка ночью.

– Но ведь я люблю тебя! Или тебе важнее чье-то мнение?

– Все равно обидно ...

– Не переживай. А морду набить нахалу мы всегда сумеем

...

Олимпиада очень долго не появлялась на танцах, а когда появилась, то подошла к Лене.

– Лена, извини, – с видимым усилием сказала она, – Я ничего против тебя ... Прости ...

А тех парней на танцах больше не видели ...

РЕБЕНОК

Лена плакала так тихо, что Виктор не сразу уловил это.

– Леночка, милая, что? Что случилось?

Он обнял Лену.

– Ничего не случилось, – помолчав ответила Лена. – Сейчас ...

– А когда случилось?

– Давно ... Прости меня ... я так долго не понимала, что ты ... что я ... что это такое ...

– Успокойся, – он гладил ее, стараясь успокоить.

Гладил так, как гладят плачущего близкого человека, но совсем не так, как гладят плачущую женщину, с которой только-что был близок. Лена почувствовала это.

– Я так долго не понимала, что это за счастье ... когда я с тобой ... мой любимый мужчина ... Прости меня ...

– Успокойся. Я тут, я с тобой ...

Лена повернулась к Виктору и обняла его, прижалась.

– Милый мой ... Спасибо тебе ...

Она постепенно успокаивалась.

– Ты правда хочешь еще ребенка?

– Хочу.

– А от кого? От меня или от Виолы? Она моложе ...

– А как считаешь ты? Ты сама хочешь ребенка?

– Я думала ... Пыталась понять ... В нашей сложной семье ... Конечно, я смогу бросить работу – нет проблем ... Сидеть дома, с детьми ... С нашими детьми ... Только Виола моложе, ей хочется ребенка, но еще ей хочется делать карьеру ... Но я же смогу сидеть с ее ребенком ... С нашим ребенком ... Пусть рождает она, а дома буду сидеть я ... Я буду хорошей няней, я постараюсь ...

– Ты с Виолой не говорила на эту тему? Или вы не можете обсуждать это?

– Сможем. Мы уже примирились, по крайней мере я примирилась с тем, что у тебя теперь есть еще одна ... любимая женщина. Мы не ссоримся с ней, а откровенно все выясняем ...

РЕБЕНОК БУДЕТ у ВИОЛЫ

Через несколько дней вечером женщины позвали Виктора.

– Витя, мы обсудили и порешили ... – начала Лена.

– Что вы обсудили?

– Мы обсудили проблему рождения еще одного ребенка, –

твердо сказала Виола.

– Так. И что же вы решили?

– Мы с Виолой пришли к выводу, что рожать нужно ей.

– Мы с Леной договорились, что она не будет ревновать

... И примет нашего ребенка как своего родного.

– Но разве он не будет родным? Виола!

– Витя, мы с Леной все откровенно обсудили, и пришли к выводу, что рожать лучше мне. А как ты думаешь?

– Я думаю, что вы у меня замечательные женщины! Обе прекрасны, обе матери, обе ... Я без вас не смогу жить ...

Лена и Виола обняли Виктора – каждая со своей стороны, расцеловали его в щеки, а потом по очереди крепко поцеловали в губы.

И сидели так, обняв его с двух сторон, и ощущая не только его, но и руки друг друга ...

ИНСТИТУТ БУКВОЙ «П»

Главное здание института в плане представлялось перевернутой буквой «П», обращенной перемычкой к проходной. Между этой перемычкой и проходной располагалась большая клумба на зеленом газоне, а к клумбе вели радиальные дорожки.

Клумба была настолько хороша и так благоухала, что многие сотрудники от проходной шли не прямо к главному зданию, а сворачивали к клумбе и задерживались около цветов.

От главного корпуса на уровне второго этажа вправо и влево отходили застекленные галереи. Левая галерея, если смотреть от проходной, изгибалась и уходила в двухэтажное здание медсанчасти, а правая, более короткая, вела в застекленный куб столовой.

А за столовой просматривался лес.

Внутри буквы «П» размещалось небольшое квадратное здание конференц-зала, тоже соединенное остекленным переходом с главным корпусом, а на крыше конференц-зала был устроен открытый бассейн. Когда-то этот бассейн использовали как емкость для воды, охлаждающей мощные компьютеры, но потом системы охлаждения стали другими, а бассейн остался.

В главном корпусе было много причуд, которые можно было отнести к фантазиям Свиридова, но к этим особенностям давно привыкли ...

Например, шесть больших пассажирских лифтов – два из главного холла от парадного входа, два огромных грузовых в «ножках» буквы «П», свободно поднимающих фургон с грузом, и еще четыре небольших лифтов, на четверых человек. Два небольших лифта обслуживали книгохранилище библиотеки, размещенное в подземном этаже, один обслуживал дирекцию и еще один первый отдел. Около больших пассажирских лифтов находились лестницы – не аварийные, скромные, а широкие, светлые и удобные.

Количество подземных этажей главного корпуса мало кто

знал, но там размещались экспериментальные установки с излучателями, надежно изолированные бетоном и землей от окружающей среды, многие вспомогательные установки и глубокий ввод железнодорожной ветки. По этой колее, ведущей на территорию машиностроительного завода, возили сырье, материалы, приборы и готовую продукцию, нарабатанную на экспериментальных установках.

Установки размещались под одним боковым крылом главного корпуса, а под другим крылом на этом этаже размещались некоторые кабинеты и помещения для камеральных работ. Здесь были кабинеты Виктора Скворцова и Виолетты Ерлыкиной, сидели сменные операторы и находились вторичные приборы с установок (но не все – полностью все данные уходили в лабораторный комплекс на втором и третьем этажах корпуса).

СТРОИТЕЛЬСТВО

Здание строили в очень сложных условиях и в очень сжатые сроки, и строили на месте неудачно заложенного совершенно другого корпуса.

Тогда Свиридов принял руководство стройкой после неудачного предшественника.

Ему удалось придумать совершенно уникальный подход к организации работ.

Выполнение всего комплекса строительных, монтажных и организационных работ в виде ограниченных военных уче-

ний с особыми полномочиями командующего этими учреждениями давало Свиридову возможности привлечения любых специалистов и исключения из обязательного перечня тех внешних ограничений и согласований, которые он считал лишними.

Это было важным преимуществом, позволяющим кардинально сокращать сроки выполнения работы, но это и накладывало чрезвычайно высокую ответственность за результаты.

Фундамент, уже частично возведенный и не учитывающий назначения и специфики создаваемой организации, взрывали направленными взрывами. Вверх летели фонтаны земли и бетона – таким образом не только освобождали место для нового фундамента, но и делали это новое место много обширнее и интереснее. И глубже ...

Теперь мало кто помнил – пожалуй, кроме главного архитектора города – как происходило проектирование главного корпуса.

Мало того, что все это происходило вопреки всем существующим нормам по последовательности стадий проектирования и правилам их выполнения. Но вдобавок Свиридов организовал работу так, что проект пятиэтажного корпуса был выполнен за шесть дней. Над каждым этажом работала своя бригада проектировщиков, и каждая рабочая смена начиналась с эскизной проработки плана этажа рукой Свиридова. Потом бригада обсуждала и выполняла детальную про-

работку, и к концу недели для каждого этажа был готов полный комплект технической документации.

И все это происходило в просторных армейских палатках, на широченных столах из древесных плит. Вряд ли кто-нибудь поверит в это, глядя на просторные коридоры, систему лифтов, вентиляции и различных коммуникаций, своеобразную планировку производственных помещений и свободно разъезжающие по коридорам лабораторной части корпуса электрокары. Но все это сперва было нарисовано от руки самим Свиридовым, а уже затем приобретало вид законченного чертежа.

То, что было вырыто и забетонировано под корпусом, тоже было нарисовано от руки самим Свиридовым, и как это ни странно, за все эти годы еще ни разу не показалось необоснованным. Откуда он знал, что и как надо делать?

На этот вопрос ответа не было, но самое главное, этот вопрос никогда и ни у кого не возникал.

Так и с конференц-залом. Когда его проектировали, то возникали вопросы только «как это сделать», но не «зачем» и не «почему так».

Помещение конференц-зала было небольшим и уютным. Зал вмещал всего сто мест, вокруг зала располагались коридоры – как в хорошем театральном здании, и отдельные маленькие и большие комнаты. Здание конференц-зала не имело окон, зато было снабжено мощной системой экранирования, обеспечивающей полную недоступность внутрен-

них помещений для электромагнитных волн и любого сканирования. Экранировка была такая, что человек, попадающий впервые внутрь, чувствовал удивительную тишину и спокойствие.

Со временем в подземных помещениях появились установки, сырье для которых и готовую продукцию транспортировали по длинному тоннелю, выходявшему на поверхность далеко за корпусом электронщиков, а этот корпус располагался позади главного здания и почти сразу стал называться корпусом Авдоконихина.

Там, еще дальше, железнодорожная колея уходила через систему ворот к механическому заводу Дементьева. По этой ветке раз в неделю мотовоз тянул вагон с заготовками для дальнейшей работы завода, по этой ветке тот же мотовоз привозил вагоны с сырьем и оборудованием.

МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

Название «малый совнарком» принадлежало Баранову, который так назвал узкую группу единомышленников, вместе со Свиридовым создававших институт с его тематикой, лабораториями и оборудованием. Тогда в эту группу входили – кроме самого Свиридова – все имеющиеся на тот момент телепаты, а он сам телепатом еще не был и даже не особенно догадывался об особых способностях своих коллег.

И ни разу за все годы они не дали почувствовать Свиридову, что он чем-то отличаются от них – до тех пор, когда он

сам вдруг почувствовал способность общаться с ними мысленно.

А теперь он созвал «малый совнарком» и добавил в его состав Скворцова, Ерлыкину и Свиридову.

– Все, кого Толя хотел видеть, собрались – Полина Ерлыкина по привычке заняла место секретаря. – Витя, садись сюда.

И тут же вошел Свиридов и Тоня.

– Здравствуйте, друзья. Все собрались и представлять никого не надо. Все друг друга знают, все знают, кто чего стоит. У нас появились еще три человека, не владеющие мысленной речью – это Антонина Свиридова, Виолетта Ерлыкина и Виктор Скворцов. Их представлять не надо, а вот учитывать особенности их и нашего мышления – надо. Поэтому наши мысленные разговоры надо будет озвучивать для них достаточно полно...

– После знаменитого техсовета у нас с вами были еще разговоры, поэтому если и возвращаться к каким-то моментам, то ... Это – не главное.

– А главное ... Виктор Скворцов, пожалуй, наиболее полно ознакомился с материалами прежних работ, и кое-что там нарыл. Поэтому его свидетельства будут очень ценны – для него все это было внове, а это воспринимается более ярко. Да плюс его система кодирования ...

– Наша.

– Согласен – наша. Но придумал ее ты, и это все мы знаем.

А меня сейчас занимает одна существенная ... деталь ...

И тут в комнату вошел Свиридов.

– Привет, ребята!

После длительной паузы все переглядывались и переводили взгляд с одного Свиридова на другого – один сидел во главе стола, а второй стоял у двери.

– Я еще не знаю, можно ли нам приближаться друг к другу ... – сказал экземпляр номер два.

– Но потрогать того меня можно. – сказал экземпляр номер один и показал на экземпляр номер два. – Потапчик, дай ему руку.

Потапович, сидевший ближе всего к двери, растерянно протянул руку и коснулся руки того Свиридова, что стоял.

– У него рука теплая, – растерянно сообщил Потап, – И живая ...

– Достаточно, – сказал экземпляр номер один и экземпляр номер два исчез. Как будто его выключили.

Все уставились на Свиридова и тут обратили внимание на крупные капли пота на его лице.

– Уф, устал. Такая материализация легко не дается ...

– Может объяснишь?

– И это тоже, – Лена Карцева подняла и показала всем лист бумаги, где размашисто рукой Свиридова было написано «Еще не вечер!» – Надпись появилась только-что ...

– Я попробую. Но по порядку. Для меня самого многое еще непонятно, поскольку все это связано лично со мной, то

я пригласил Тоню – хочу, чтобы она была в курсе. А начать мне предстоит издалека ...

ЧТО НАШЛИ ПОГИБШИЕ

– Помните, Виктор нашел в материалах наших погибших коллег упоминания о неизвестных материалах и мы кое-что воспроизвели? Оттуда появились новые боеприпасы и теперь специальная пистолетная пуля пробивает бортовую броню танка. Вес пули изменился незначительно – легкая оболочка и сверхтяжелый тонкий сердечник. И то, и другое – материалы нашего производства. Мало того, сердечник после проникновения сквозь броню может раскрываться как цветок и вызывать смертельные повреждения. Мы назвали этот эффект памяти «отложенной памятью», потому что она проявляется примерно через три – четыре секунды после нагрева, а нагрев в момент проникновения через броню составляет несколько тысяч градусов.

– Появились черные алмазы и черные бриллианты; голубые алмазы, похожие на колумбийские, и абсолютно бесцветные алмазы, не встречающиеся в природе и названные нами «алмазами чистой воды». Появился абсолютно черный – непрозрачный! – алмаз с полным световозвращением, названный нами «черная дыра».

– Воспроизвели фотохромный материал со временем срабатывания одна десятитысячная доля секунды и отдали венным – пусть думают, куда поставить. Воспроизвели «пою-

щее стекло», генерирующее звуковые волны при освещении, и много чего другого. Но поняли в найденных записях далеко не все, а ведь там есть разгадки ко многим загадкам, которые унесли с собой наши предшественники ...

– Как ты хорошо сказал – предшественники, – задумчиво сказал Лена Карцева, повторяя то, что она сказала мысленно.

– На месте той лаборатории осталась глубокая воронка и никаких остатков оборудования, что очень похоже на аннигиляционный взрыв. Неужели они нарвались на антиматерию?

– Если мне не изменяет память, то при той аварии полностью выгорела подстанция. Поэтому я не удивлюсь, если они вышли на что-то весьма энергоемкое, неожиданное, удивительное и страшное... У нас энергоемкость резко возрастает при разведении атомов – чем больше заряд, тем выше затраты, – задумчиво произнес Потап.

– Посмотрим на совпадения. Примерно в этот момент времени произошли мутации у всех окружающих, мутации в структуре ДНК, малозаметные и не опасные. После этого было зафиксировано появление «любопытных» НЛО и, скорее всего, произошла первая локация объекта, что так же вызвало мутацию. Тоже малозаметную и не опасную. Могло ли излучение от аннигиляции вызвать мутацию? Интерес инопланетян?

– Вполне. Но проверки на остаточное излучение на месте взрыва проведено не было.

– По крайней мере это может быть тем самым фактором, который мы никак не можем найти. На самом деле первым по времени. Вторым является локационное излучение НЛО, зависшего над установкой ...

– Над местом, где была установка...

– И только третьим по времени возникновения фактором было излучение, маскирующее всю территорию предприятия. И только оно давало устойчивую мутацию, от которой не рождались девочки.

– И у тех женщин, которые там работали хоть недолго, девочка живой родиться не может ...

– А мальчик с особыми способностями? Или это не было связано с устойчивой мутацией?

– Видишь ли, Витя, получается, что мальчики с особыми способностями родились после взрыва, но только родившиеся в это время получили эти способности. Все, кто родился позже, причем у тех же матерей ...

– Но отцы – другие. У них мутации не были выражены...

– Да, отцы были другие, – уточнил Виктор. – Кроме меня – у меня набор мутаций был полным, а мальчик – обыкновенный. Значит, наведенное или остаточное излучение после взрыва.

– А у тебя самого? Ты провел на той территории всего месяц до твоего перерождения.

– И была авария у наших соседей здесь, после чего я стал понимать мысленную речь. Видимо, там тоже было остаточ-

ное излучение.

– Ох, как бы было интересно получить от Свиридова детей!

– Полина, ты изверг! Разве так можно?

– Она права несмотря на всю чудовищность этой идеи – дети Свиридова, да еще от разных матерей, дали бы такой интересный материал для исследований!

– Но скорее всего они не дали бы ничего, кроме загадок ...

– Постеснялись бы ... Он же человек ...

– Спасибо, Витя.

– Ты, Тонечка, не обижайся. Наука – она вообще штука бесчеловечная. А мы тебя все любим ...

– Можно ли через столько лет обнаружить остаточное излучение аннигиляционного взрыва?

– Если только раскопать место взрыва ...

– Но какую связь ты усматриваешь между теми событиями и твоим ... раздвоением?

– Не исключено, что они вплотную приблизились к границе между этой реальностью и параллельными мирами. Или даже перешли эту границу ...

Долгое молчание было ответом Свиридову. Но не мысленное.

– Слышали бы вы, что они вопят мысленно! – повернулся Свиридов к Тоне и Виктору. – Если кратко, то такой гвалт стоит ... Но ничего стоящего, поэтому вы ничего не потеряли.

Громкий смех «мысленно вопящих» был ему ответом ...

ПЕРЕРЫВ

– Толя, объяви перерыв. Нужно хоть немного отключиться и осмыслить.

– Перерыв. В соседней комнате есть кофеварка, кофе, печенье и даже коньячок.

– Коньячок – это самое оно, да с кофейком! А то и свихнуться недолго с этим Свиридовым!

– Я пошел варить кофе. Саша, рюмки в том шкафчике. – и Свиридов первым поднялся из-за стола.

Виктор предложил Тоне руку и так под руку они вышли из зала.

Соседняя комната была комнатой отдыха – между важными заседаниями здесь в мягких креслах можно было расслабиться и выпить чашечку кофе или рюмочку ликера.

Аромат свежемолотого кофе смешался с ароматом коньяка и никто и не подумал покидать уютные кресла и диван и уходить отсюда. Постепенно обмен мнениями возобновился.

– Толя, так что из сказанного тобой имеет отношение к твоему двойнику?

– Параллельные измерения существуют. Я там уже побывал. Но их, скорее всего, несколько, и они разные. Пока толком ничего сказать не могу ...

Он помолчал.

– Попадая в другое измерение я получаю следующие воз-

возможности ... Или способности, пока не ясно. Во-первых, наблюдать за событиями в том измерении, которое я покинул. Как говориться он лайн, то есть в обычном режиме, в режим реального времени. Во-вторых там, в другом измерении я получаю возможность двигаться по оси времени. Как – тоже пока не понял, но могу. И остановившись, точнее уравнивая течение времени с соседним измерением, получаю возможность наблюдать за событиями в том измерении. Но только в прошлом. В-третьих, создавать в другом измерении своего двойника пока еще с неизвестными возможностями ...

– То есть твое присутствие виртуальное и присутствие физическое – вещи разные?

– Совершенно разные!

– Разве ты был в других измерениях?

– Это пока тоже не совсем понятно – могу ли я создавать своего двойника прямо тут, находясь с ним в одном измерении. Мой двойник, которого вы видели, был создан в другом измерении и оттуда перемещен в это измерение. Таким образом параллельное измерение как бы поддерживает способность создания двойника.

– А твои способности к телекинезу и телетранспортировке предметов?

– Леночка, все это пока неясно. И что реально может двойник – тоже непонятно. Но ...

– Поскольку я сам не понимаю слишком многое из того, что произошло, вряд ли я смогу вам ответить на некоторые

вопросы. Но в то время, когда я лежал в медсанчасти, мое сознание питалось сведениями из непонятного мне источника ...

– Межгалактическое информационное поле ...

– Ноосфера ...

– Не исключено, если такое есть. Но кто-то или что-то познакомило меня с некоторыми правилами и ограничениями, которые я должен неукоснительно выполнять. Там был запрет на приближение к своему двойнику. Там был запрет – не запрет для меня, а запрет принципиального характера – на наблюдение за нашим будущим в нашем измерении. О будущем я могу узнавать только в самых общих чертах по принципиальным вопросам. Как я понял, принципиальным для общества, а не для меня самого.

– Количество правил весьма значительно, но доступными для меня они становятся только при практическом обращении к каким-то конкретным ... обстоятельствам или процессам.

– Пока я попробовал перемещался назад всего на сутки, и это перемещение само по себе не занимает времени. Может быть, пока из-за малости дистанции. Сложная система управления временем, система координат и многое другое ...

– А энергетические затраты?

– Пока неясно. Но для двойника потребовались значительные усилия ...

– А информационный обмен с объектами в других временных условиях?

– Пока не проверял. Думаешь, похоже на Николу Тесла?

– Почему бы и нет?

– Твои прогнозы по поводу сокращения штатов и финансирования – оттуда?

– Да. И общая информация о других существенных изменениях в нашей жизни в нашем измерении.

– Ты можешь возвращаться в то состояние, в котором лежал в медсанчасти?

– Да. И углублять свою информацию о своих возможностях.

– Меня очень интересует, почему молчит Олег. Мальчик, ты почему такой тихий?

– Потому, что мне очень жаль дядю Толю. И тетю Тоню тоже. И они это понимают, и мама понимает. И вы тоже поймете ...

– Правила поведения в другом измерении, в путешествиях во времени ... Очень похоже на Бредбери, помните? Одна бабочка, погибшая во время путешествия в прошлое, кардинально поменяла будущее ... А каково наказание за невыполнение правил?

– Неясно. Хотя я для себя чувствую, что кто-то – или что-то – выбирая меня учитывали какие-то особенности моего характера.

– Толя, а что там, в другом измерении? Как там?

– Это не тот свет, не царство мертвых?

– А информационное поле умерших тебе недоступно?

– А в прошлом ты можешь появиться среди людей, наяву?

– И каковы при этом будут условия общения? Контакты с тамошними жителями?

– Я бы и сам не прочь узнать обо всем этом побольше ...

– Интересно, но ведь это – энергия ... А если померить?

– Или, что важнее, индикатор на наличие границы с другим измерением, на наличие ... фантома в этом измерении ... Нет?

– Да, Толя. И это очень важно, очень интересно и скорее всего не так просто.

– Займемся?

– Толя, мы сейчас вряд ли что-нибудь путное спросим – уж очень все необычно. Надо будет еще собираться ... Но что ты хотел, для чего нас собрал?

– Ну, Полина! Зачем собрал ...

– Нет, вопрос поставлен правильно. Именно – какую цель я поставил. Целей несколько. Первое – поделиться с вами, с моими самыми близкими и посвященными друзьями. Второе – поставить в известность людей, причастных к этим вещам, с которыми обязательно необходимо делиться информацией, и взаимно.

– Третье. – раздалось из-под стола, – Оказывать всемерную помощь дяде Толе в его нелегкой судьбе. Во всем без исключения.

– Правильно, мальчик. И все это абсолютно секретно, иначе ...

– Иначе дяде Толе грозит много всяких неприятностей.

– И, пожалуй, четвертое, но далеко не последнее ... Мне понадобится ваша помощь для того, чтобы разобраться с моими новыми возможностями и обсуждать их практическое приложение ...

Они еще долго сидели, потягивая коньяк и кофе. Потом все уходило поодиночке, как с конспиративной встречи – жали руки, обнимались и уходили.

Последним остались Свиридов, Тоня и Виктор Скворцов.

– Хорошо сказал Мальчик – жаль тебя. За что тебе такая ноша? Можешь на меня рассчитывать, и на Виолу тоже. Не возражаешь? Я ей всего рассказывать не буду, но она – человек умный и надежный. Будь! Давай, целуй жену. Тонечка – я тебя люблю. Любая помощь в любой момент ...

– Пойдем, милый? Ты очень устал ... Идем, я устрою тебе такой массаж, что ты будешь спать как младенец ...

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ

– Что ты меня вытащил в лес на ночь глядя?

– Подышать захотелось ... Да и на руках ты у меня теперь так редко сидишь ... И поговорить...

– Так хорошо ... Только ты ручками–то ... не очень, а то я ничего понять не смогу!

– Как ты хорошо пахнешь ...

– А ты такой вкусный ...

– Я хочу рассказать тебе, – через некоторое время сказал Свиридов, – О результатах некоторых моих экспериментов.

– Почему мне одной?

– Ты – самый близкий мне человек. А результаты пока промежуточные. Тебе знать лучше все так, как оно есть на самом деле. Итоги – потом, на Малом Совнаркоме ...

– Первое касается границ того другого измерения, в которое я попадаю. Назовем наше обычное измерение, в котором мы существуем, реальным, а другое, параллельное – виртуальным. Чтобы не запутаться. Кстати, у меня впечатление, что виртуальное измерение у меня персональное, только для меня предназначенное. Или их несколько. Никого там не видел, и оно совершенно пустое ...

– Но оно имеет границу с реальным измерением, и свойства этой границы оказались довольно интересными. Во-первых, эта граница непроницаема с внешней стороны – со стороны реальности. Но не для света – я все вокруг вижу. Это свойство управляемо. И чтобы слышать, что снаружи делается, мне нужно дать определенную команду ...

– Далее. С внешней стороны внутрь ничего попасть не может, даже пуля – проверял, а вот изнутри ... Пуля наружу изнутри проходит, но без звука выстрела, даже глушитель не требуется. Могу высунуть руку, и тогда взятое в руку можно перенести из реального измерения в виртуальное. Пробовал бумаги, книги, портфели, рюкзаки. Очень крупные предме-

ты не пробовал. Предмет, изъятый из реальности, через виртуальность можно перенести в реальность другую.

– Как это?

– В ту реальность, в которой находится мое физическое тело, где я. А вот оставить в виртуальности, видимо, нельзя – предмет там существует столько времени, сколько я нахожусь там, а потом куда-то исчезает. Куда – пока неизвестно

...

– Все это проверено на соприкосновении реальности и виртуальности в реальном времени. При перемещении во времени возможно будет не так. Может быть нельзя будет изымать оттуда предметы. Да и стрелять туда тоже нельзя – нельзя вмешиваться в ту реальность ...

– А в будущее действительно нельзя перемещаться?

– Да, это под запретом. Возможно, временно, но ...

– Но чьим запретом?

– Кабы знать! Может со временем станет понятнее, а пока

...

– Но из виртуальности ты можешь переходить в реальность? Как тогда?

– Могу. Но тут еще очень много непонятного, я еще даже не разбирался. Помнишь моего двойника на совещании?

– И ты можешь даже взаимодействовать сам с собой?!

– Да, ты же видела нас двоих тогда на совещании. Я видел своего двойника, и видел всех – и себя тоже – глазами двойника. Мы оба могли действовать независимо. Но это делать

трудно и я толком еще не умею всем этим управлять ...

– Но есть что-то самое главное, что ты узнал? Самое важное в применении, что ли ...

– Есть. И самое странное, интересное, загадочное, невероятное – называй как хочешь ...

– Не пугай!

– Сам боюсь! Я могу существовать там, в виртуальности в двух видах – в форме физической, то есть человека, который из виртуальности может перелезть в реальность ...

– Как ты сделал тогда, да?

– Да. И в форме бестелесной ...

Тоня даже отстранилась.

– Это как это!?

– А вот так – вроде я есть, но не видно. Все можно делать, а ничего не видно. Причем предметы, которые у меня в руках, тоже невидимы – но это пока не точно. И в форме бестелесной я чувствую себя точно так же, как и в форме телесной, только рук своих не вижу – представляешь?

– Бр-р! Страсть какая! А переходить из одной формы в другую?..

Они еще долго сидели на лавочке – сидел на лавочке Свиридов, а Тоня сидела у него на коленях, прижавшись к мужу и положив голову ему на плечо и укрытая полой его куртки...

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

– Мне надо слетать в «Солнечный», – сказал за ужином Свиридов. – На пару дней, поэтому с собой я никого не возьму. Поскучайте тут без меня.

– Зачем ты летишь? – спросила Тоня, когда все улеглись спать.

– Я хочу попробовать разобраться с причиной того, первого взрыва установки, когда погибли очень ... хорошие люди. Взять пробы грунта для анализа.

– Будешь перемещаться в прошлое?

– Возможно. Хотя я побаиваюсь этого, и сам не знаю почему. Увидеть там тех людей ...

– Ты знал их?

– Нет, я туда прилетал уже после этого.

– Будь осторожен ... для нас. Мы без тебя не сможем жить

...

– Тонечка, милая, не плачь! Я буду осторожен и осмотрителен, я постоянно думаю о вас и люблю вас ...

На аэродроме Свиридова встречали Шабалдин и его секретарша Галина.

С обоими Свиридов обнялся, а Галина не удержалась и поцеловала его.

– Рад вас видеть, ребята! Даже не думал, что этот так ... так приятно!

По тому, как козыряли встречные, Свиридов понял – его здесь не забыли.

Навстречу ему в приемной поднялась Маргарита Эдуар-

довна, обняла его и даже прослезилась.

В кабинете было прибрано, и в их с Тоней и Гришей жилище – тоже.

И кормила его та же добродушная Архиповна, которая тоже прослезилась, рассказывая о сыне, который уже вырос ...

Свиридов поужинал в обществе Шабалдина и Галины – официально о его прилете сведений не было, а слухи, что его видели, распространялись не столь быстро. Поэтому объятия обрушились на него на следующее утро, и только после обеда он попросил Галину достать ему несколько пластиковых баночек с плотно закрывающимися крышками и детский совочек.

– Я собираюсь взять пробы грунта с места первой взорвавшейся установки, – ответил он на немой вопрос Галины. – И произвести анализы этого грунта.

– Там все замечено снегом ...

Свиридов промолчал.

– Командир! Я могу помочь вам?

– Не надо, Галочка, это может быть опасно.

– Думаю, не опаснее, чем работать с вами ... Прошу прощения.

– Объясни.

– Я так привыкла работать с вами, так ... привязалась, что места себе не находила первое время. Так и рвалась на работу, а вас уже не было ...

ЧТО Я УЗНАЛ ТАМ

Шабалдин проводил Свиридова к месту, где когда-то находилась лаборатория.

Круглая поляна, по краям которой стояли остовы деревьев без ветвей и кое-где болтались обрывки ограждавшей ленты. И след лисицы, свернувшей и обошедшей поляну.

– Как бы здорово поговорить с этой лисицей. И Сандал в Москве ...

– Ты думаешь, что животные что-то чувствуют?

– Наверняка. Ты подготовил мне все документы по взрыву? Пошли, я читать буду.

Ночью на двери комнаты Свиридова появилась картонка «Прошу не беспокоить».

А Свиридов в коконе виртуальной реальности уже наблюдал за работой установки – приборы были другие, но он сразу понял, что производилась настройка излучателя и просто прогон режимов.

«Как бы мне замедлить время» подумал Свиридов и все движения сотрудников на установке стали замедляться. «Стоп. Вот так достаточно» вновь подумал Свиридов.

Все движения стали плавными, но теперь он не слышал слов.

Видимо, начальник установки давал какие-то команды, потому что женщина за пультом записывала что-то в тетрадь, а на пульте переключали тумблеры, поворачивали верньеры.

«Жаль, что приборы другие и не понять, что же они ме-

ряют» подумал Свиридов.

Тут что-то вызвало озабоченность начальника и он повернулся и позвал наладчика из соседнего помещения. Свиридов знал весь состав бригады, и мог легко ориентироваться.

Наладчик открыл металлическую створку и полез внутрь, к излучателю. Он почти целиком скрылся внутри. Там за-сверкали вспышки.

«Вспышки очень короткие» сориентировался Свиридов. «С учетом замедления времени совсем короткие, но мощные».

И тут ... Из соседней комнаты вышел наладчик и направился к открытой створке шкафа излучателя. Свиридов не сразу понял, что это – дубликат того наладчика, что копается в шкафу, но начальник установки, видимо, это понял. Он пытался что-то крикнуть, вытянул руку. Но наладчик – тот, второй, видимо его не понял, или понял наоборот, что мол скорее, – и протянул руку, чтобы отодвинуть того, что почти полностью скрылся внутри шкафа.

И между протянутой рукой и телом того, скрытого наладчика, начало возникать свечение – чем меньше оставалось до соприкосновения, тем светлее становилось свечение.

Первым отреагировал на это начальник установки – он повернулся к женщине с тетрадкой, обхватил ее и повалил на пол, прикрывая своим телом.

Закрывая глаза Свиридов мысленно приказал «Вспышку пропустить!». На мгновение он потерял всякую ориентиров-

ку, и ощутил только, что кругом потемнело. Он открыл глаза.

Глубокая воронка освещалась только горящими ветвями стоящих вокруг деревьев, а в воронке ничего не было – ни следов установки, ни останков людей, ничего. И судя по цвету почвы вокруг стенки воронки были холодными.

Свиридов опустился на дно воронки – ему даже не пришлось ничего приказывать, высунул руку через границу виртуальности, коснулся почвы. Она действительно была чуть-чуть теплой.

Свиридов быстро совком наполнил принесенные емкости, отбирая пробы с разных мест дна воронки и ее стенок, и старался уловить хоть какие-нибудь признаки излучения.

Но все кругом было тихо, если не считать потрескивания горящих веток деревьев.

И вдруг он что-то почувствовал, какое-то внешнее воздействие. Это воздействие было настолько необъяснимо и мощным, что он счел за благо сразу перенестись к себе в комнату.

Выставляя банки с пробами на стол Свиридов протянул руку, взял диктофон и включил его.

ПРОБЫ

Утром пробы уже анализировали в лаборатории, пленку с диктофона слушал Шабалдин, а Свиридов на своем рабочем столе раскладывал фотографии всех членов бригады, работавшей на той установке. Большинство фотографий было из

личных дел – невыразительные и маленькие. А он несколько часов назад видел некоторых из них живыми ...

Весь день в кабинете Свиридова провели Иванищева и Умаров. Сперва Иванищева отчитывалась о проделанной работе и о тех направлениях, которые по ее мнению вырисовываются в дальнейшем, а затем вместе с Умаровым и Свиридовым обсуждали это.

Во второй половине дня пришел начальник аналитической службы и положил на стол Свиридову результаты анализов. Руки у начальника вздрагивали, он пытался что-то сказать, но Свиридов остановил его.

– Я все понял. А почему вы так взволнованы?

– Материал проб позволяет оценить время, прошедшее между взрывом и анализом пробы. Это время ...

Начальник стал беззвучно открывать рот и помогать себе руками.

– Это время исчисляется несколькими минутами и меняется со временем проведения анализов...

– Успокойтесь, ничего страшного, – и Свиридову пришлось чуть-чуть вмешаться в психику взволнованного аналитика. – Вы посидите, отдышитесь. Галя, еще чайку нам, пожалуйста.

А вечером, собираясь на аэродром, Свиридов испытал нечеловеческую усталость. Он сказал об этом Умарову по дороге на аэродром.

– А ты думал, что все эти путешествия достаются даром?

Надо понаблюдать за твоим состоянием и придумать систему восстановления. Пока поспишь в самолете, а дома я за тебя возьмусь ...

ВЕРОЧКА РОДИЛАСЬ

Гриша выводил гулять Улю каждый день, хотя иногда это был вечер.

Но каждый день они медленно, под руку прогуливались либо по дорожкам города, либо уходили в лес.

Живот у Ули стал совсем большой, ей уже было тяжело носить его, но прогулки по свежем воздухе не прекращались.

А вечером, когда она снимала бандаж, Гриша разговаривал с дочкой, и она узнавала его и радовалась, толкая его в положенные на живот Ули руки.

Уля хорошо переносила беременность. Она ела много фруктов, занималась всеми упражнениями, которые ей рекомендовал врач. Все было так хорошо, что иногда даже становилось тревожно. В родильном отделении больницы она уже познакомилась с врачом, который будет принимать у нее роды, пообщалась с медперсоналом.

Свиридов не предпринимал каких-либо мер для того, чтобы Улю выделили из общего числа рожениц, и лишь только Дементьев в беседе с главврачом упомянул про Улю.

А кругом всюду бушевала весна, и когда Уля с Гришей уходили в лес, то голову им кружил пьянящий запах свежей листвы.

– Верочка, мы сейчас с твоей мамой в лесу, – говорил Гриша, поглаживая живот Ули. – Тут так красиво, листочки распускаются, травка зеленеет ... Уже скоро ты сама сможешь все это увидеть!

И девочка начинала толкаться.

Когда забегала Елка, то Уля показывала ей, как девочка толкается и на поверхности обнаженного живота видно волны от ее перемещения.

– Когда вы с Костей решитесь? – спрашивала Уля.

– Мы хотим, чтобы рожать как ты, весной, – отвечала Елка. – И постараемся подгадать ...

Каждый день забегал Боря и прикладывал руку к Улиному животу.

– Знаешь, уже скоро, – говорил он, – Я тебя предупрежу, когда уже будет пора ...

Однажды вечером он задумался и сказал.

– Все, ребята, завтра уже нужно отправляться в роддом.

На следующий день у Ули появились схватки, вызвали машину и ее отвезли в родильное отделение.

– Ну, как, ты разрешишь мне быть с тобой?

– Гриша, неужели я могу что-то тебе не разрешить? Если ты хочешь, то я ... то мне ... то нам будет очень приятно, что ты будешь рядом!

– Ты учти, что за стенкой будет еще целая куча народу – и отец с мамой, и Елка с Костей, и Майка с девочками, и Олег и Боря с мальчишками ... Думаю, дядя Саша Баранов

с Леной Карцевой, Полина Ерлыкина ...

На ночь в больнице остался только Гриша, а около подъезда дома в городе дежурил микроавтобус.

И этот автобус помчался к заводу, как только Улю повезли в родовую.

Гриша в белом халате и шапочке держал Улю за руку и не обращал внимания на все приготовления медперсонала.

– Отец мне передает, что они все уже приехали, они здесь, – шепнул он Уле, – Будь спокойна, я с тобой и я очень люблю тебя.

Уля отвечала ему только пожатием руки – она кусала губы от боли, но молчала.

– Ты не терпи, ты покричи! Давай дышать! Теперь тужься! – командовала ей медсестра.

Уля послушно дышала и тужилась, и чувствовала кроме руки Гриши еще чье-то ласковое прикосновение.

– Улечка, ты молодец! – это явно был дядя Толя. Только он умел так ласково говорить с ней, кроме Гриши.

Детский крик совпал с облегченным выдохом Ули и она расслабилась.

– Ну-ка, папаша, подвинься! Мамаша, принимай дочку! Богатырь!

И Уле на грудь осторожно положили красного сморщенного младенца.

Девочка повозилась, устраиваясь поудобнее.

– Верочка, это твоя мама!

– А это твой папа! А почему она затихла?

– Ей тепло и хорошо. Сейчас мы ее вымоем, взвесим и измерим. Она немного покричит, не волнуйтесь.

В коридоре и в соседней комнате громко закричали «ура!», а Гриша осторожно поцеловал Улю в искусанные губы.

– Спасибо тебе, моя дорогая Улечка! Теперь нас стало трое!

Запеленатую девочку положили рядом с Улей, и та мгновенно замолкла, почувствовав тепло. В коридоре против всяких правил шеренгой стояли люди и негромко, чтобы не испугать девочку, приветствовали Улю и Верочку. А заодно и Гришу.

В светлом боксе Уля самостоятельно перебралась с каталки на кровать, а Верочку уложили рядом в прозрачную колыбельку.

– Спи, – целуя ее сказал Гриша. – Если что-нибудь будет нужно – звони.

Его обнимали и поздравляли.

– Я тоже так хочу ...

– Обязательно! Через год я привезу тебя сюда и ты родишь нам сына. Договорились?

– А когда можно будет пообщаться с девочкой?

– Что вы имеете в виду, молодой человек?

– Поговорить с ней, погладить ее.

– Она вряд ли вас услышит.

Гриша еще побывал у девочек в палате несколько раз, покормил Улю, поговорил с дочкой. Казалось, девочка с интересом слушала его, и довольно попискивала, когда он поглаживал ее спеленатое тело. У Ули еще не было молока, но девочка уже искала сосок и присасывалась.

Это было так прекрасно, что Гриша не удержался и прямо в коридоре нарисовал Улю с дочкой.

А в их комнате уже ставили детскую кроватку, и не было отбоя от опытных специалистов – в обустройстве комнаты принимали участие все недавние мамы – и Лена Долгополова, и Виолетта Ерцкая, и Полина Ерлыкина, и Даша Огородникова, и все названные сестры Свиридова.

Наташили столько игрушек, что пришлось большую часть убрать в шкаф.

У Ули появилось молоко и девочка с удовольствием сосала, а потом сонно отваливалась.

И спокойно спала, и начинала попискивать только к следующему кормлению.

В бокс пустили Борю. Уля с удивлением наблюдала, как дочка открыла мутные еще глазки и внимательно посмотрела на Борю. А тот говорил ей какую-то ерунду про глазки, ручки, ножки ... Но Верочка все это слушала очень внимательно.

Она стала улыбаться матери и отцу, внимательно разглядывала деда и бабушку и с удовольствием занималась гимнастикой. Голову ей держать еще не удавалось, но все равно

врачи говорили о быстром росте девочки.

Сошедшего с автобуса Гришу перехватила Оля Петрова.

– Гришка, я тебя поздравляю! – она расцеловал Гришу. – Я так рада за вас!

– Спасибо, Оля. Ты знаешь, такая чудесная девчонка эта Верочка ... Мне очень жаль ...

– Ну, что ты ... Ты меня знаешь даже лучше Володи ... Не обижай жену – сейчас для нее главное дочка, а ты уже на втором месте ...

– Как можно обижать ее – она же мне дочку родила!

ДОМОЙ

Забирать Улю с дочкой приехала целая делегация, причем кроме друзей и знакомых Свиридовых было очень много интернатовских. Все тащили цветы и двор перед крыльцом больницы стал похож на оранжерею.

Когда на крыльце показался Гриша с дочкой на руках и счастливая Уля, держащая Гришу под руку, то все собравшиеся дружно закричали и захлопали. От желающих отвернуть край конверта и взглянуть на девочку не было отбоя, а Верочка спокойно посапывала и причмокивала во сне.

Вся кавалькада машин медленно двинулась в город, причем цветами заняли целую машину. Как-то так получилось, что Елка с Костей оказались ближе всех и Елка даже немного подержала Верочку, а Костя помог Грише донести узел с вещами, которыми уже обросла новорожденная.

– Пойдешь ко мне в крестные? – спросила Уля Елочку.

– С удовольствием! А потом вы к нам!

Из комнаты быстро выгнали всех приехавших, и Верочка устроилась в своей первой кроватке. А Уля облегченно опустилась на диван.

– Как ты? Очень устала?

– Ничего, Гриша. Это наша дочка, ты понимаешь?!

– Милая моя Улечка! Это наша дочка, и это твоя заслуга!

Уля прижалась к мужу, положила голову ему на грудь.

– А ты уж будто бы и ни при чем ...

Верочка проснулась и заявила об этом.

Перепеленывали ее вместе Уля и Гриша, а дочка улыбалась им.

– Ну, нас-то пустите! – поскреблись Тоня и Толя.

Верочка поулыбалась и деду с бабкой.

Когда девочка уснула дед с бабкой и молодые собрались за столом.

– Давайте в узком семейном кругу ... Потом гости набегут

...

– Мы поздравляем нашу дорогую Уленьку и папу Гришу с рождением дочки и желаем всем им здоровья ...

– А мы поздравляем дедушку и бабушку с внучкой!

РЕЖИМ ДНЯ

Когда ночью Верочка подавала голос и требовала сухие пеленки, то к ней вставал Гриша и еще не очень ловко пе-

репеленывал дочку под бдительным взглядом жены. Потом Уля подкатывалась к Грише под бочок, устраивалась поудобнее и засыпала до кормления.

Следующие дни не было отбоя от гостей, а потом Уля с дочкой выехали на улицу. Верочка внимательно разглядывала окружающий мир, а затем засыпала в коляске, не обращая внимания на любопытствующих зрителей.

Устанавливался новый режим дня всей семьи.

В середине дня у Верочки был мертвый час, который она проводила на улице, в беседке за кустами. С ней в беседке сидела и читала книжку Уля, иногда Гриша, но бывало и Тоня. А в субботу и в воскресенье с внучкой сидел Свиридов, реже – Тоня, а родителей отпускали погулять. Но не надолго – к кормлению Уля всегда возвращалась и Верочка с аппетитом сосала маму.

И росла, и прибавляла в весе.

Гриша снова стал делить новый кабинет с отцом.

Там у него был свой стол около окна, и свой большой шкаф для папок с рисунками.

В будние дни Гриша работал в кабинете в одиночестве и очень редко к нему приходили те, кого он рисовал.

Чаще всего это была Уля, иногда с дочкой ...

С ЗАКАЗЧИКАМИ ПО ИНТЕРНЕТУ

В субботние и воскресные дни кабинет чаще бывал пуст – Свиридов-старший и Свиридов-младший редко работали

в выходные. Но тем не менее у отца там был свой большой письменный стол, свой шкаф и даже свой сейф.

И прямой телефон из кабинета на пульт диспетчерской службы института.

Уля расцвела и Гриша часто любовался ею и снова и снова рисовал жену и жену с дочкой, и дочку отдельно.

Через один из компьютеров Владика, который был подключен к Интернету, он получал факсы из Австрии, и даже установил прямой телефонный контакт с Дрейзером.

Дрейзеру Гриша рассказал, что пользуется компьютером своего друга, и что на этот почтовый ящик можно для него посылать все материалы.

С этого же компьютерного адреса он отправлял свои работы заказчикам и вскоре Владик шутливо пожаловался Нике, что корреспонденция Гриши и для Гриши составляет основную массу информации на этом компьютере. Компьютер был связан с сервером через эфирную станцию космической телеметрии, и определить его истинное местоположение не представлялось возможным. По этому каналу к Интернету были подключены и другие компьютеры в городе. Мощный брандмауэр стоял на входе всех подключенных каналов, что не исключало установку соответствующей защиты на каждом компьютере.

Гриша послал Дрейзеру рисунок улыбающейся Верочки, и от того пришел восторженный ответ, предложение пристроить рисунок и еще через несколько дней проект контрак-

та на дюжину подобных рисунков.

Молодые Свиридовы посоветовались, потом поговорили со старшими Свиридовыми, и Гриша послал в ответ предложение о серии из 24 рисунков под названием «Я расту».

Ответ пришел немедленно с заверенной электронной подписью и соответственно увеличенной суммой гонорара, которую Уля все еще никак не могла воспринимать всерьез.

А через месяц в бандероли из Австрии кроме экземпляров рекламного журнала с рисунком Гриши пришел дамский журнал с портретом Верочки. Журнал для молодых мам выходил два раза в месяц, и каждый месяц в нем появлялось по два новых портрета неизвестной девочки под именем Vera.

Но в домашней галерее рисунков было намного больше и Гриша отбирал рисунки для отправки в Австрию. На пробу Гриша послал рисунок Ули, кормящей дочку. Дрейзер прислал хвалебные отзывы и предложил придержать рисунок до открытия выставки молодых художников, где обязательным условием было представление не выставлявшихся и еще неопубликованных работ.

УЛЯ ПОХОРОШЕЛА

Уля невиданно похорошела.

Когда она переодевалась Гриша любовался ее прекрасным телом, полным радости материнства, и ловил несколько встревоженный взгляд жены.

– Гришенька, ты прости меня, – ночью шептала Уля, об-

нимая мужа. – Я по прежнему люблю тебя, только Верочка ... Говорят, что мне еще нельзя ... Ну, сам понимаешь ... Ты не думай ...

– Что ты, милая моя Улечка! Я очень люблю тебя, ты стала еще прекраснее ... С тебя только мадонну писать ... А с этим мы подождем ...

– Как раньше, да? Чувствуешь, какая я колючая? Но это отрастет ...

– Конечно. И не считай себя виноватой ...

Грише стоило большого труда уговорить Улю кормить Верочку совсем без одежды. Но зато как это было здорово – два прекрасных обнаженных женских тела. Казалось, вся радость материнства собралась в одном месте, и так хотелось ласкать и целовать этих родных женщин!

Уля склонялась над дочкой и Гриша рискнул показать родителям один из таких рисунков.

– Гриша, это прелестно! – заявила Тоня. – Это можно выставлять в картинной галерее!

– Да, Гриша. Ты растешь. А что сказал твой профессор?

– Профессор поперхнулся и долго мочал. А потом сказал, что зачет мне эту работу за семестр. И показал своим студентам.

– И что сказали ребята?

– Сперва они аплодировали, а потом ругались.

– Почему?

– Как сказал Андрюшка, ни у кого из них нет такой пре-

красной жены ...

ДЕД

Верочка стала спать ночью беспокойно, плакать и беспокоить молодых родителей.

– Толя, ты что?

– Верочка плачет. Пойду, успокою ее.

Свиридов вынул из кровати хнычущую внучку – она еще не раскричалась в полную силу, и молодые еще не проснулись.

– Ну, и чем ты недовольна? – прижимая внучку к себе спросил Свиридов. – Давай дадим маме с папой поспать. Пошли отсюда.

Когда Уля проснулась от неожиданной тишины и не обнаружила дочки в кровати, она даже испугалась.

– Гриша, Верочки нет!

– Не волнуйся! Бабка или дед взяли ее к себе!

Дочку он нашли в гостиной – в кресле сидел дед с внучкой на руках, и оба мирно спали. Верочка начинала причмокивать, чувствуя приближение кормежки, но она так уютно пристроилась на руках у Свиридова, что было даже жаль будить их.

Но Свиридов сам открыл глаза.

– Уже пора кормить?

– Нет еще. Мы просто пошли искать пропажу.

– Как тихо она спит у тебя! Только ты ее не укачивай, не

приучай!

– Что ты, Улечка! Мы с ней просто поговорили, я ей песенку спел и она заснула. Она очень сговорчивая девочка!

Утром Уля делала легкий утренний массаж Верочке, положив ее голеньку на стол.

Верочка заулыбалась вошедшему Свиридову, потянула к нему ручки.

– Можно, я ее помассирую? У меня руки чистые.

– Конечно, папа Толя. Вон как она тебе улыбается!

– Папа Толя – это хорошо. Мне приятно – называй меня так, ладно?

Свиридов самыми кончиками пальцев массировал спинку внучки, а та – так казалось! – довольно кряхтела под его рукой ...

НАПАЛМ

ДИПЛОМАТ 10 КГ

– Командир, вам шифрованное сообщение.

– После расшифровки сразу ко мне!

Улыбчивый и неприметный майор вошел к Свиридову с черной папкой.

Свиридов расписался, взял пачку листов и отпустил шифровальщика.

«Совершенно секретно. Особой важности. После прочтения уничтожить.»

– Да-а ... О чем же столько писанины ...

Он быстро пробежал начало текста и стал читать дальше.
«Осмотром установлено следующее.

На поляне находится выгоревший изнутри БТР, внутри которого выгоревшая крышка со следами героина внутри. Со стороны дороги пустые «Мерседес-600» и «Гелендваген» со следами пулевых пробоев. На поляне обнаружено шестнадцать трупов с многочисленными пулевыми и осколочными ранениями.

Реконструкция происшедшего дает следующий достаточно достоверный результат.

Первым на поляну выехал БТР, следовавший согласно данным ГАИ из Душанбе на один из ремонтных заводов. Затем на эту поляну выехал «Гелендваген», а за ним «Мерседес». Все пассажиры из БТР и автомашин были вооружены и выстроились напротив друг друга. Пулевые раны указывают на то, что первым начал стрелять пулемет со стороны БТР, а затем перестрелка приняла неупорядоченный характер. Со стороны «Гелендвагена» были брошены три гранаты типа «Лимонка», а затем внутренность БТР была залита napалмом.

Все пулевые следы идентифицированы с имеющимся стрелковым оружием, кроме следа во лбу пулеметчика. Экспертиза установила, что пулеметчик был убит крупнокалиберной пулей 45-го калибра производства фирмы Винчестер-Вестерн, США.

Никаких посторонних следов на поляне не обнаружено,

как и гильзы 45-го калибра.

Пулевые следы однозначно указывают, что пулеметчик стрелял не только по приехавшим в «Гелендвагене» и «Мерседесе», но и по приехавшим в БТР (в спину).

По сведениям постов ГАИ с момента проезда БТР, «Гелендвагена» и «Мерседеса» до момента приезда дежурной машины ДПС мимо данного места не проезжал никакой транспорт.

Машина ДПС выехала на следы черного дыма над лесом, и по данным экспертов между происшествием и приездом ДПС прошло не менее пяти часов.

Есть предположение, что часть личного оружия и, возможно, еще какие-либо предметы исчезли с места происшествия.

Личности убитых идентифицированы».

И далее шел перечень фамилий, имен, места проживания.

Среди перечисленных были жители Узбекистана, военнослужащие и девять человек из столицы.

В самом конце была приписка: «для сведения» ...

СХРОН

«И никаких следов миллиона долларов, привезенных в обмен на героин» подумал Свиридов, взглянув на дипломат в углу комнаты и поднося пламя зажигалки к листам.

Это был его первый опыт по транспортировке предметов с помощью виртуальности.

Дипломат с миллионом долларов наличными, изъятый им у приехавших из Москвы покупателей, он взял сразу же, как только началась стрельба. Переждав всеобщую стрельбу он уложил одним выстрелом пулеметчика, осмотрел площадку — никого в живых не было.

Поскольку его интересовали лишь доллары, то он бросил в середину здоровенной покрышки от колеса БТР стеклянную емкость с напалмом и некоторое время наблюдал за разгорающимся пламенем, охватывающим резину и содержимое покрышки.

А потом вместе с виртуальностью переместился к себе в кабинет и поставил дипломат у стенки ...

В нижнем подземном этаже главного здания, где располагались установки, было несколько технических коридоров со служебными помещениями — в основном это были шкафы индивидуальных энергетических щитов. Но среди помещений были и такие, на дверях которых кроме трехзначных номеров и шифрзамков ничего написано не было.

Одно из таких помещений Свиридов использовал в качестве личного хранилища.

За дверью находилось защитное устройство, препятствующее проникновению в помещение посторонних даже в том случае, если бы им удалось открыть наружную дверь.

А далее шли стеллажи, на которых лежали картонные коробки, стопки папок и несколько различного размера чемоданов и дипломатов.

В этот раз Свиридов добавил ко всему этому еще один вместительный дипломат весом в 10 кг.

А затем открыл амбарную книгу и сделал запись – в этой записи указывалось, когда и где был изъят дипломат с содержимым, сумма изъятых и что половина суммы переведена на известный счет ФСБ ...

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Свиридов привычно передвигался в своей виртуальности, наблюдая за окружающим пространством, как вдруг...

Впечатление было такое, как будто закрыли занавес и при этом он уперся во что-то неподвижное. Но главное, он почувствовал присутствие кого-то совсем недалеко от себя и попытался мысленно установить с ним контакт.

Почему-то это ему не удавалось, хотя он четко улавливал присутствие мыслящего существа.

– Кто здесь? – негромко спросил он.

– Ваш коллега, – после некоторого молчания ответил мужской голос.

– Приветствую вас! Поскольку я совсем недавно получил возможность путешествовать таким образом, то представляюсь первым. Свиридов, Анатолий Иванович. Может быть, вы просветите меня и назовете себя ...

Свиридов говорил не спеша и постоянно пытался установить мысленный контакт с тем, кто был где-то совсем рядом.

Но контакта не получалось, хотя он чувствовал мыслящее

существо, а может быть и не одно, но никак не мог войти в его (или их?) сознание.

– Меня очень давно все называют не по имени, а просто профессором, – ответил тот же мужской голос. – И я вряд ли смогу вас просветить по поводу параллельных миров.

– Здравствуйте, Григорий Иннокентьевич.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович, – после непродолжительной паузы ответил голос.

– Вы существуете только в виртуальности? Так мы называли параллельное измерение. Или сохранили физический облик в нашей реальности?

– Нет, только в параллельном измерении ... Термин виртуальность принимаю.

– Вы наблюдали за мной – там, на установке во время взрыва?

– Мы ... Я совсем недавно осознал возможность перемещения во времени ...

– Значит, вы спаслись не один? Кто там рядом с вами?

– Рядом со мной моя любимая женщина Елизавета Акимовна.

– Елизавета Акимовна, приветствую вас! Сожалею, что не могу увидеть вас и поцеловать вам руку.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович, – ответил грудной женский голос. – Мне тоже жаль, что я вас не вижу.

– Кроме вас никто не спасся?

– Видите ли, Анатолий Иванович ... У меня есть некото-

рые соображения, что кто-то еще спасся и существует в своей ... виртуальности. Но кто конкретно – не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.